

Серия «Fontes scripti antiqui»

شاه محمود
بن میرزا فاضل چراس

تاریخ

تصحیح متن فارسی ، ترجمه به روسی و تعلیقات
و حواشی و فهرستها
از ا.ف.اکی موشکین

Шāх-Маҳмӯд
ибн Мīрзā Фāзил Чурāс

ХРОНИКА

Критический текст, перевод,
комментарии, исследование и указатели
O. Ф. Акимушкина

2-е издание

Петербургское лингвистическое общество
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(5)4
Ш31

Шах-Махмуд Чурас

Ш31 Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. — 2-е изд. — СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 496 с. — (Fontes scripti antiqui).

ISBN 978-5-4318-0001-6

В основе настоящего издания лежит перевод наиболее интересной и самостоятельной части «Хроники» Шах-Махмуда Чураса. Сочинение является ценным первоисточником по истории Восточного Туркестана второй половины XVI — 70-х годов XVII в. и дает довольно обширный исторический материал, позволяющий заполнить лакуну в изучении довольно сложной внешне- и внутриполитической ситуации, сложившейся в этом регионе в указанный период. Помимо всего прочего, «Хроника» содержит сведения по истории соседних регионов, а также доселе неизвестные данные о черногорских ходжах, явившихся основателями особой ветви суфийского братства накшбандийе. В сочинении можно найти немало интересных и ценных для исследователя подробностей и деталей, связанных с историей узбеков, казахов, киргизов и калмаков.

Перевод сопровождается обстоятельным и исчерпывающим введением в изучение «Хроники», критическим текстом оригинальной части сочинения, а также подробными комментариями.

Издание предназначено для специалистов-востоковедов, а также всех интересующихся историей Центральной Азии.

ББК 63.3(5)4

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-16082д)*

ISBN 978-5-4318-0001-6

© Наследники О. Ф. Акимушкина, 2010
© Петербургское лингвистическое общество, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА	17
Сведения об авторе	17
Сведения о сочинении	53
Название и датировка	53
Композиция сочинения	55
Источники	60
О языке «Хроники»	95
О переводе «Хроники»	100
«Хроника» как источник	101
Бахр ал-асрап Махмуда б. Вали и «Хроника»	102
«Хроника» и анонимная «История Кашгарии»	104
Сведения о рукописи	127
ХРОНИКА (Перевод)	134
КОММЕНТАРИЙ	233
Приложения	299
Приложение 1. Участие эмиров и беков родового подразделения чурас в политической жизни Могольского государства в конце XVI — конце XVII в.	299
Приложение 2. Извлечение из <i>Анис ал-талибин</i> Шах-Махмуда Чураса	303
Приложение 3. Извлечение из <i>Хидайат-наме</i> мир Хал ад-Дина катиба	317
Список библиографических сокращений	319
Указатели	338
Указатель имен и династий	338
Указатель географических и топографических названий	356
Указатель этнических названий	363
Предметный указатель	365
Summary	369
ХРОНИКА (Текст)	373

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет собой публикацию оригинальной части сочинения Шах-Махмуда б. ми́рзы Фазила Чура́са, составленного около 1087/1676–77 г. и посвященного истории правителей Могольского государства¹.

Эту часть сочинения можно рассматривать как логическое продолжение широко известного труда ми́рзы Мухаммад-Хайдара Дуг-

¹ Под Могольским государством мы понимаем государственно образование с центром в Яркенде, созданное в 920/1514 г. в Восточном Туркестане потомком моголистанских ханов чагатаидом Султан-Са'идом после его победы над дурглатом мирзой Аба Бакром. Первоначально в его состав входили города Кашгар, Янги-Хисар, Уч, Аксу и Хотан с прилежащими окрестами, а впоследствии (с 70-х гг. XVI в.) Бай и Кусан (Куча). К этому государству мы относим также и восточную область страны с центрами в Чалыше (Караشاэр) и Турфанд, которая была большую часть времени практически независима и имела самостоятельных правителей и на которую лишь временами распространялась власть яркендского хана (например, 70–90-е гг. XVI в., 40–60-е годы XVII в.). Авторы местных исторических хроник и агиографических сочинений конца XVII — XVIII в. называли это номинально единое, но фактически разделенное на две независимые части государство *Мамлакат-и могулийе*, *Могулийе*, *Баладха-ийи могулийе*, *Вилайат-и могулийе* и *Шахр-и могулийе*, т. е. Могольским государством (см.: «Хроника», л. 85а; *Анис ат-талибин*, лл. 91б, 107а; «История Кашгарии», лл. 69а, 756, 976; *Хидайат-наме*, лл. 12а, 426, 706, 756, 766, 986, 109а, 110а; *Тазкире-ийи хидайат*, л. 276).

В отечественной и европейской литературе этот регион в этно-территориальном отношении обычно назывался Малой Бухарий, Кашгарий или Восточным Туркестаном, что равнозначно содержанию, которое вкладывали указанные выше местные источники в название «Могольское государство». Впервые это тождество отметил В. П. Юдин, который достаточно обоснованно его доказал, но предпочел для этого государства название «Могулия» (см.: Рецензия, с. 81–82; «Материалы», с. 375; ср. также: *Мухаммад-Хайдар*, пер. Росса, предисловие Илайса, с. 53–54; *Думат*, Аграрная политика, с. 9, прим. 1). К. И. Петров (Очерки, с. 53, прим. 1), остановившись на названии «Кашгария», пишет, что оно «употребляется для обозначения территории Таримского бассейна, простирающегося от водораздела рек Кызыл-Су Алайской и Кызыл-Су Кашгарской на восток по системе рек Тарима, включая его притоки, стекающие на север с хребтов Восточного Тянь-Шаня, на юге — с Западного Куэнь-Луня и др. хребтов Гималайской горной системы, иногда эту область именуют Восточным Туркестаном».

Предисловие

лата *Тарих-и Рашиди*², окончательно завершенного 30 зу-л-хиджжа 952/3 марта 1546 г. и посвященного истории Моголистана³ и Восточного Туркестана, а также правивших там Чагатаидов. Как известно, труд Шах-Махмуда Чураса не был первой попыткой составить продолжение к указанному сочинению, и у нашего автора имелись предшественники, о которых, справедливости ради отметим, он не знал. Но если Хайдар б. ‘Али, составитель *Тарих-и Хайдари*⁴, и Махмуд б. Вали, автор *Бахр ал-асрас фи манакиб ал-ахтар*⁵, остановившись на истории Могольского государства и доведя описание событий, потрясавших его, до своих дней, рассматривали их в рамках обширных всеобщих трудов по истории, что в немалой степени определило как их подход к описываемым событиям, так и подбор и изложение материала, то Шах-Махмуд целиком посвятил сочинение судьbam своей страны, написав его в форме истории местной династии⁶.

Материалы по истории Могольского государства, приведенные в «Хронике», как, впрочем, и всё сочинение в целом, фактически до сих пор оставались вне поля зрения не только историков Восточного Туркестана, но также историков соседних с ним народов Средней Азии, Киргизии и Казахстана. Между тем эти материалы заслуживают самого серьезного внимания и тщательного изучения благодаря обилию и разнообразию новых подробностей и деталей, которые вносят существенные корректизы и дополнения в то, что было нам

² О сочинении, авторе и сохранившихся рукописях см.: *Бартольд*. Рец. на Илайса. С. 63–73; *Стори*. Персидская литература. II, с. 1202–1206; «Материалы», с. 185–191, там же частичная библиография вопроса; КИНА, № 514–517. О дате завершения труда см.: *Мухаммад-Хайдар*, рук. В 648, л. 846 и С 395, л. 103а.

³ О названии «Моголистан» и его трансформациях в XIV–XVI вв. см.: *Юдин*. Рецензия, с. 81–82 и прим. 45 к нашему переводу «Хроники».

⁴ О сочинении, авторе и сохранившихся рукописях см.: *Бартольд*. Хайдар б. Али. С. 597; *Стори*. Персидская литература. I. С. 427–428; СМИЗО, II, с. 213; *Barthold*—*B. Spuler*, Haydar b. ‘Ali, с. 325–326.

⁵ О сочинении, авторе и рукописях его труда см.: *Бартольд*. Отчет, с. 170–182, 192–196; *он же*. Церсмониал. С. 388–389; *он же*. К истории Хорсзма. С. 257–258; *Ахмедов*. Государство, с. 29–30; *он же*. Махмуд ибн Вали; *он же*. Махмуд ибн Вали и его энциклопедический труд, с. 62–65; *Абдураимов*. очерки, с. 16–18; «Материалы», с. 320–328; *Стори*. Персидская литература. I, с. 1135–1138; СВР, т. V, с. 71–74, № 3563–3564.

⁶ Хотя хронологически первой попыткой продолжения истории Кашгарии явился небольшой очерк, составленный Амином [б.] Ахмадом Рази и включенный им в свой биографический труд *Хафт иклат* (1002/1593–94 г.), мы тем не менее не можем рассматривать этого автора как одного из предшественников Шах-Махмуда Чураса из-за значительной недостоверности приведенных им материалов (подробнее см. ниже).

Шāх-Маҳмӯд ибн Мирзā Фāзил Чурāс. Хроника

до сих пор известно о взаимных связях этих народов и роли, которую они сыграли в истории Могольского государства.

Однако историческое сочинение Шах-Махмуда б. мирзы Фазила Чураса — это прежде всего ценный первоисточник по истории Восточного Туркестана второй половины XVI — 70-х гг. XVII в. Благодаря «Хронике» мы можем в настоящее время заполнить лакуну в наших знаниях о той часто изменчивой и неустойчивой внешней и внутриполитической ситуации, которая складывалась в тот период в этом регионе. Изучение истории страны указанного периода всегда представляло для специалистов значительные трудности из-за отсутствия надежных или сколько-нибудь достоверных источников, написанных на основе оригинальных или проверенных материалов. Это обстоятельство было теснейшим образом связано с очень слабой разработкой историографического аспекта всей проблемы, а последний неотделим от столь трудоемкой и требовавшей значительного времени работы, как археографические исследования, т. е. сбор, выявление и введение в научный обиход исторических сочинений, посвященных этому периоду.

Именно поэтому Ч. Ч. Валиханов⁷, В. В. Григорьев⁸, Р. Шоу⁹, Н. Илайес¹⁰, пытаясь воссоздать общую картину политической истории страны с середины XVI в. по конец XVII в., вынуждены были использовать в своих исследованиях очень узкий круг одних и тех же источников, из которых наиболее надежным считался труд местного автора Мухаммад-Садика Кашгари *Тазкире-ий хаджаган*, составленный в 1182/1768–69 г.¹¹. Однако в этом сочинении история интересующего нас периода изложена весьма кратко и схематично и изобилует целым рядом неточностей и ошибок¹².

Китайские же источники, которые начиная с последней трети XVIII в. уделяли Восточному Туркестану значительное внимание¹³, «не освещают историю собственно Восточного Туркестана, за ис-

⁷ О состоянии, с. 300–301.

⁸ Восточный Туркестан, II, с. 322–323, 334–335, 352.

⁹ *Тазкире-ий хаджаган*, пер. Шоу, 32–35 и примечания.

¹⁰ Там же, предисловие Илайеса, с. 1–5.

¹¹ Об авторе и сочинении см.: Салахетдинова. Сочинения Мухаммад-Садыка Кашгари, с. 93–100, там же библиография.

¹² Например, из общего повествования выпала линия Мухаммад-хана, правившая в Яркенде около 30 лет (1018–1047/1609–1638). После Мухаммад-хана правили Шах-Шуджа⁺ ад-Дин Ахмад-хан, 'Абд ал-Латиф-хан (Афак-хан), Султан-Ахмад-хан (Фулад-хан), Султан-Махмуд-хан (Клычхан) и снова Султан-Ахмад. Ср. также: Бартольд. Отчет, с. 183, прим. 354.

¹³ Анализ и перечень этих источников см.: Думан. Аграрная политика, с. 18–54.

Предисловие

ключением княжеств Хами и Турфана, с начала XVII в. до середины XVIII в., сообщая лишь отдельные факты, часто не соответствующие действительности»¹⁴. Этот вывод Л. И. Думана объясняется тем, что авторы китайских сочинений не располагали местными хрониками либо не обращались к ним, а опирались только на сведения расспросного характера, которые они почерпнули у местных жителей, весьма смутно представлявших историю своей страны, отдаленную к тому же от их дней промежутком в два столетия¹⁵.

Среди исследований, посвященных истории Восточного Туркестана, исключение (с точки зрения использования новых и достаточно надежных первоисточников) составляет работа М. Хартмана¹⁶, вышедшая в свет уже после того, как В. В. Бартольд опубликовал «Отчет о командировке в Туркестан». В «Отчете» В. В. Бартольд впервые ввел в научный обиход и широко использовал в пересказе и цитации *Baxr al-asrar* Махмуда б. Вали и анонимную «Историю Кашгарии»¹⁷. Определенная новизна исследования М. Хартмана находится в прямой зависимости от «Отчета», который он использовал в своем труде частично в детальном пересказе, а частично в переводе. Правда, он значительно шире своих предшественников пользовался при этом сочинением Мухаммад-Садика Кашгари¹⁸.

Указанные источники, подробно пересказанные и отчасти сопоставленные В. В. Бартольдом со сведениями Мухаммад-Садика Кашгари¹⁹ в отношении истории Восточного Туркестана второй половины XVI — 80-х гг. XVII в., предоставили в распоряжение специалистов надежный материал. Однако то обстоятельство, что эти источники были введены в научный обиход ранее труда Шах-Махмуда Чураса,

¹⁴ Там же, с. 17–18; см. также: Позднеев. История, лл. 386–41а.

¹⁵ Например, только ошибочным сообщением одного из них можно объяснить то, что у французского синолога П. Пельо вместо одного правителя Турфана и Чалыша Султан-Са‘ид-Баба-хана появились два правителя, один из которых, Султан Са‘ид, наследовал своему брату Абул-Мухаммаду, а второй, Баба-хан, закрепился в Камуле (Хами) (см.: *Pelliot. Notice critiques*, с. 49 и примеч. 293 к нашему переводу).

¹⁶ Der Islamische Orient, VI–X, с. 195–374; см. также: Zur Geschichte Zentral-Asiens, с. 194–195.

¹⁷ Бартольд. Отчет, с. 119–210 (главным образом с. 170–191).

¹⁸ Ср.: Hartmann. Der Islamische Orient. VI–X, с. 195–288, где использован труд Мухаммада Кашгари, и с. 290–302, где приведены сведения, почерпнутые в «Отчете» В. В. Бартольда. После исследований М. Хартмана на европейских языках не появлялось работы, в которой бы на материалах местных источников была рассмотрена история Восточного Туркестана XVI–XVII вв.

¹⁹ Источники последовательно рассматриваются и используются В. В. Бартольдом в «Отчете» (см. Отчет, с. 170–182, 173–191, 175–191).

Шāх-Махмӯд ибн Мирзā Фāзил Чурāс. Хроника

николько не снижает ценности «Хроники» как первоисточника, поскольку, во-первых, как удалось установить, *Бахр ал-асрас* и «Хроника» в соответствующих частях совершенно независимы друг от друга, а сообщаемые ими сведения взаимно дополняют одно другое²⁰, и, во-вторых, анонимный автор «Истории Кашгарии», на что было указано еще в ЗВОРАО²¹ и впоследствии А. М. Мугиновым²², почти во всех рассказах зависит от Шах-Махмуда, приводя их со значительными купюрами, и, хотя он писал исторический труд лет на пятьдесят позднее своего предшественника, он лишь в единичных случаях датирует события²³. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что большая часть сообщаемых нашим автором сведений отсутствует в уже известных источниках и впервые приводится с такими подробностями и деталями. Достоверность же сообщений «Хроники» подтверждается целым рядом сочинений, написанных в Средней Азии, Индии и Восточном Туркестане в XVI–XVIII вв. и выявленных или привлекших к себе внимание исследователей в последние годы²⁴.

«Хроника», как всякий новый источник, естественно, сообщает такие данные, с которыми мы прежде не были знакомы и которые дают возможность несколько под другим углом зрения взглянуть на процессы и события, имевшие место не только в собственно Могольском государстве, но также в соседних с ним государственных образованиях. Но в первую очередь материалы «Хроники» являются весьма основательной базой для изучения истории Восточного Туркестана в XVI–XVII вв.

Оригинальная часть «Хроники» содержит также многие и до сих пор неизвестные данные о черногорских ходжах — потомках и преемниках ходжи Мухаммад-Исхака Вали (ум. в 1008/1599 г.), прочно обосновавшихся в Яркенде в конце XVI в. Для исследователей этого ответвления суфийского ордена *накишбандийе* несомненный

²⁰ См. ниже: раздел «“Хроника” как источник», а также «Материалы», с. 377.

²¹ ЗВОРАО. Т. XXII, с. 319.

²² Описание, № 38.

²³ См. ниже: раздел «“Хроника” как источник». Противоположная точка зрения была высказана В. П. Юдиным (см. «Материалы», с. 402, 404).

²⁴ В частности, см.: Болдырев. Зайнаддин Васифи, с. 346–347; СВР, III, № 2604 (Зийа’ ал-кулуб); Миклухо-Маклаи. Описание. Вып. 2. № 181 (Джасалис ал-муштакин), № 184 (Зийа’ ал-кулуб), № 196 (Хидайат-наме), № 197 (Тазкире-ий хидайат), № 201 (Тазкире-ий ‘Абд ал-Манин), № 202 (Джасами’ ал-асрас); Мугинов. Описание. № 105–106 (Тазкире-ий хаджса Мухаммад-Шариф); Ворожейкина. Доисламские верования. с. 182–189; Салахетдинова. Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме», с. 133–140; Юдин. Известия. с. 71–76; «Материалы», с. 177–184, 235–236.

Предисловие

интерес представляют живые рассказы нашего автора о Мухаммад-Йахье б. ходже Му-хаммад-Исхаке, известном как Ходжа Шади (ум. ок. 1055/1645–46), его сыне Мухаммад-‘Абдаллахе, известном как Ходжам-Падшах (ум. в 1096/1684–85 г.), и их деятельности.

Наконец, в труде Шах-Махмуда Чураса мы находим разнообразные и оригинальные материалы, теснейшим образом связанные с историей узбеков, казахов, киргизов и ойратов (калмаков). Эти материалы проливают свет на их взаимоотношения, на внешнеполитические связи Могольского государства с Шейбанидами и Аштарханидами, казахскими союзами, их ханами и султанами, киргизскими объединениями и калмакскими феодалами. Примечательно, и это заслуживает определенного внимания, что автор «Хроники» ни словом не обмолвился о наличии каких-либо связей, будь то торговые или политические, с минским или цинским Китаем.

Первые сведения о единственном известном списке «Хроники» Шах-Махмуда Чураса, написанном на языке оригинала, появились в двух статьях, опубликованных в 1915 г.²⁵. Этот список был обнаружен в 1913 г. в Ташкенте в библиотеке частного собрания Баки-Джан-бая. Вместе с кратким, но весьма обстоятельным описанием сочинения, в котором отмечались его источники, время и место написания, а также то, что «автор анонимного турецкого сочинения, использованного В. В. Бартольдом, без сомнения пользовался сочинением Шах Махмуд Чураса»²⁶, автор привел список глав памятника²⁷.

В. В. Бартольд, у которого это сочинение вызвало живейший интерес, уже в 1916 г., находясь в Ташкенте, ознакомился со списком «Хроники» из библиотеки Баки-Джан-бая, разрешившего В. В. Бартольду взять на время рукопись в Петроград «для фотографирования»²⁸.

Интересно, что в том же году в приложении «Шуро» № 13 от 1 июля оренбургской газеты «Вакт», выходившей на татарском языке, была напечатана заметка Нуширвана Яушева, посвященная еще одному списку труда Шах-Махмуда Чураса. В этой заметке, предварившей целую серию его статей об истории Восточного Туркестана, Н. Яушев писал, что в селении Каракаш округа Хотан он обнаружил у ‘Айса (=‘Иса) Кази среди прочих рукописей список

²⁵ ПТКЛА. XX, с. 68, прим. 3; ЗВОРАО. Т. XXII, с. 303–319.

²⁶ Там же, с. 319.

²⁷ Там же, с. 313–318 (список изобилует пропусками и ошибками).

²⁸ «Отчет 1916 года», с. 336.

Шах-Махмуд ибн Мирзә Фазил Чурас. Хроника

сочинения, составленного Шах-Махмудом б. амиром Фазилом. В списке не хватало конца, всего в нем было 250 страниц, и написан он был на персидском языке²⁹. Впоследствии он опубликовал в том же приложении несколько разделов из этого сочинения в пересказе-переводе на татарский язык³⁰.

В. В. Бартольд сразу же оценил все значение «Хроники» как исторического источника и уже на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 31 января 1918 г. предложил опубликовать в качестве третьего выпуска основанной им серии «Тексты по истории Средней Азии» труд Шах-Махмуда Чураса в той части, «которая имеет характер первоисточника, что составляет около половины всего сочинения»³¹. Как известно, этот текст не был опубликован, но переписанный В. В. Бартольдом от руки с фотокопии хранится в настоящее время в ЛО Архива АН СССР³².

Впоследствии В. В. Бартольд неоднократно обращался к этому сочинению, используя его материалы при подготовке своих монографий и отдельных статей³³. Вместе с тем он не отказался от мысли о необходимости издания столь ценного источника и, включая в свой пятилетний план, подписанный им 8 марта 1929 г., параграф об обязательном издании подготовленного им текста, помечает, что «местонахождение оригинальной рукописи теперь не известно»³⁴.

После 1916 г. рукопись «Хроники», принадлежавшая Баки-Джанбаю, надолго выпала из поля зрения специалистов, и еще в 1955 г.

²⁹ نوشیروان یاوشف ، موسی بایفلر مويکه سنده ، شورا ، ۱۳ عدد ، ايشول ۱۹۱۶ سنده — ۱۳ رمضان ۱۲۳۴ سنده ، ۳۲۱ صحيفه .

³⁰ نوشیروان یاوشف ، آلتى شهر تارىخىندىن بىر پارچە ، شورا ، ۱۹ عدد ، ۱ اوكتىبر ۱۹۱۶ سنده — ۱۶ ذوالحجە ۱۲۳۴ سنده ، ۴۵۸ — ۴۶۰ صحيفه لر ؛ شورا ، ۲۰ عدد ، ۱۵ اوكتابر ۱۹۱۶ سنده — ۱ محرم الحرام ۱۲۳۵ سنده ، ۴۷۹ — ۴۸۱ صحيفه لر ؛ شورا ، ۲۱ عدد ، ۱ نوباتير ۱۹۱۶ سنده — ۱۷ محرم الحرام ۱۲۳۵ سنده ، ۵۱۲ — ۵۱۱ صحيفه لر ؛ شورا ، ۲۲ عدد ، ۱۰ نوباتير ۱۹۱۶ سنده — ۲ صفر ۱۲۳۵ سنده ، ۵۰۲۸ — ۵۰۲۷ صحيفه لر .

³¹ ИРАН. Сер. VI. Т. 12. № 7. 1918, с. 514–515.

³² Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 182, 191 стр. в четверть листа, текст с одной стороны; ср.: «Хроника», лл. 16–3а, 466–85а. Судя по пометам, В. В. Бартольд не обращался к составленному тексту после 1918 г.

³³ Двенадцать лекций, с. 113; Киргизы, с. 511, 516, 518; Чагатайская литература, с. 610.

³⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 432, л. 893.

Предисловие

ее судьба не была известна такому крупному знатоку восточной рукописи, как проф. А. А. Семенов. К тому времени он уже отметил в двух своих библиографических трудах³⁵ существование сочинения Шах-Махмуда Чурсаса, ссылаясь при этом на ЗВОРАО. На его замечания в «Kurzer Abriss» о том, что известны два списка труда, ссылается Ч. А. Стори в своем биобиблиографическом справочнике³⁶. В 1935 г. в сборнике «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» были опубликованы два отрывка³⁷ из «Хроники» в пересказе-переводе на русский язык по «рукописи узбекского историка Салеева, предоставленной им в распоряжение составителям... сборника»³⁸. Частично были использованы материалы «Хроники» К. И. Петровым³⁹ в переводе автора этих строк.

Фотокопией, изготовленной для Азиатского музея Академии наук по заказу В. В. Бартольда, пользовался А. М. Мугинов при описании рукописей анонимной «Истории Кашгарии» в собрании ИВАН СССР⁴⁰, чтобы установить степень зависимости этого сочинения от труда Шах-Махмуда Чурсаса.

Как мы уже отметили выше, список «Хроники» из частного собрания Баки-Джан-бая в Ташкенте на длительный срок выпал из поля зрения исследователей. В чьем владении он находился с 1916 по 1945 г., нам неизвестно, но именно в этом году рукопись была приобретена Рукописным отделом Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, где и хранится по настоящее время⁴¹.

В 1965 и 1966 гг. В. П. Юдин в опубликованных им рецензиях и статье⁴² обращался к материалам «Хроники», а в 1969 г. в сборнике «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков» он опубликовал перевод шести рассказов⁴³ из этого сочинения по указанной рукописи. Переводам он предпослав обстоятельное (фактически

³⁵ Указатель, с. 31; Kurzer Abriss, с. 7.

³⁶ Стори. Персидская литература. II, с. 1206–1207.

³⁷ «Сборник I», с. 100–101. Судя по тому, что в этом сборнике были выполнены переводы из Зубдат ал-асар ‘Абдалла б. Мухаммада и Баҳр ал-асар Махмуда б. Вали также по одной и той же рукописи Салеева, можно предположить, что составители сборника не располагали списками отмеченных ими сочинений, а пользовались общирными выписками, сделанными из них этим узбекским ученым.

³⁸ Там же, с. 92.

³⁹ Очерки, с. 50, 54, 55.

⁴⁰ Описание, № 38.

⁴¹ Шифр В. Перс. 11. Об этом нам сообщила в 1961 г. С. И. Тансыкбаева (Ибрагимова), за что мы приносим ей искреннюю благодарность.

⁴² О родоплеменном составе; Рецензия; Рец. на Ахмедова.

⁴³ «Материалы», с. 379–385.

Шāх-Махмūд ибн Мīрзā Фāзил Чurāс. Хроника

первое по использованному материалу) предисловие⁴⁴, в котором касается биографии автора, использовав сообщение *Хидайат-наме*, дает историографическую оценку сочинения, а также весьма детально останавливается на истории его изучения. Заметим, однако, что ряд положений, выдвинутых В. П. Юдиным, расходится с выводами, к которым мы пришли в процессе изучения памятника (см. ниже разделы, посвященные автору, сочинению и его источникам). Несколько заметок и статей, в которых были использованы материалы «Хроники» Шах-Махмуда б. миры Фазила Чурсаса, были опубликованы автором этих строк⁴⁵.

В настоящей работе мы ограничились публикацией только оригинальной части труда Шах-Махмуда, что составляет около половины всего сочинения; эта часть, бесспорно, имеет значение не только самостоятельного, но и весьма надежного и достоверного источника⁴⁶.

Подготовленный критический текст памятника сопровождается переводом, который расширяет наше понимание сведений, содержащихся в сочинении. Во «Введении в изучение памятника» изложены и суммированы результаты изучения труда в целом, в частности с точки зрения его плана, построения и содержания. Особо рассмотрены источники, привлеченные автором к написанию своего труда, проведено детальное сопоставление с основным его источником — *Тарих-и Рашиди* миры Мухаммад-Хайдара Дуглата. В главе, посвященной автору, нами была предпринята попытка воссоздать его биографию с использованием для этой цели как материалов, впрочем весьма скучных, которые удалось обнаружить в двух его трудах («Хроника» и *Anis at-taliibin*, последнее написано лет на 20–25 позднее первого), так и данных других источников. Наконец, особо выделены и охарактеризованы сведения «Хроники», касающиеся связей Могольского государства с народами Средней Азии, Киргизии, Казахстана и Джунгарского ханства.

В комментарии к переводу более подробно, чем во «Введении», рассмотрены материалы «Хроники». В частности, в нем были учтены и систематизированы как данные привлеченных к комментарию других источников, так и сведения, содержащиеся в специальной литературе. Много внимания было уделено уточнению хронологии, поскольку наш автор весьма редко указывал точную дату событий,

⁴⁴ Там же, с. 369–378.

⁴⁵ Персоязычные источники; Редкий источник; Кашгарский поход; Могольско-узбекский союз; К вопросу.

⁴⁶ См. ниже: раздел «“Хроника” как источник».

Предисловие

о которых он повествовал, что лишний раз говорит о его добросовестности.

Как было уже отмечено, настоящая работа содержит только оригинальную часть «Хроники» Шах-Махмуда Чураса, заключающую общее введение, и. самостоятельно написанную автором вторую половину труда. Эта часть сочинения переведена нами на русский язык. Такой характер данной работы прежде всего был обусловлен тем обстоятельством, что первая половина сочинения является не просто компиляцией, а конспективным изложением широко известного труда миры Мухаммад-Хайдара. В этой связи эксперт из *Тарих-и Рашиди*, сделанный Шах-Махмудом, не имеет самостоятельного значения и не представляет сколько-нибудь значительного научного интереса. По этой причине мы не сочли возможным подготовить к изданию первую часть сочинения и снабдить ее переводом. Тем более что *Тарих-и Рашиди* доступна во многих списках и в прекрасном переводе на английский язык Д. Росса. Своей же задачей мы прежде всего полагали ввести в научный обиход те новые материалы по истории Восточного Туркестана, которые содержит вторая часть труда Шах-Махмуда, не повторяя того, что уже известно из труда его предшественника⁴⁷.

Для комментария нами были привлечены помимо местных источников, написанных на таджикском и тюркских языках, также исторические хроники и агиографические сочинения, составленные в Мавераннахре и Индии в XVI–XVIII вв., которые до сих пор не рассматривались специалистами в аспекте изучения истории указанного региона в отмеченных выше хронологических рамках. Материал, который удалось обнаружить в этих сочинениях, во-первых, позволил полнее представить и воссоздать картину событий, потрясавших в разное время и периоды Могольское государство, а во-вторых, еще раз подтвердил надежность «Хроники» Шах-Махмуда б. миры Фазила Чураса, поскольку его данные нашли подтверждение в сообщениях этих источников.

Настоящее издание текста «Хроники» Шах-Махмуда б. миры Фазила Чураса предпринято по единственному известному списку сочинения. В этой связи допустимая критика текста свелась к следующим моментам: а) исправление орфографических неточностей,

⁴⁷ Тем не менее в следующем разделе, сравнивая работу, проделанную нашим автором с первоисточником, мы подробно рассматриваем содержание компилятивной части, что наряду с оригинальной частью дает полную возможность судить о композиции и содержании «Хроники» в целом.

Шāх-Мāхmūd ibn Mīrzā Fāzil Churās. Хроника

описок и пропусков букв, допущенных переписчиком во время работы, а также ошибок при цитации Корана; б) установление единобразия в написании некоторых слов тюркского происхождения. Предпочтение отдавалось той форме, которую чаще других использовал переписчик; в) в тексте последовательно отмечены графемы **گ**, **ڇ**, **ڻ**, **ڙ**, **ڦ**, которые переписчик фиксировал время от времени; г) редкие конъектуры, которые мы вводили в текст, заключены в квадратные скобки. Главным образом это касалось соединительного союза **و**, который ставился между именами собственными, а также чтения восстановленных нами смытых частей текста; д) графическое изображение изафета после гласных в тексте через знак хамзы повсюду передано нами через *йа-ий изафат*, например ‘امراء’ как *اَبْنَاءِ امْرَاءٍ* и тому подобное специально не отмечалось.

Все исправления строго зафиксированы, а первоначальное написание представлено в постраничных примечаниях.

O. Ф. Акимушкин

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Об авторе сочинения нам известно очень немного. Если не считать указания на свое имя как автора, Шах-Махмуд б. мирза Фазил Чурас¹ ни словом не обмолвился о себе в «Хронике». В другом же принадлежащем его перу труде, отделенном от «Хроники» промежутком в 20–25 лет, он столь же скончан и немногословен в автобиографических ремарках². Но вместе с тем, когда в ходе изложения он касается событий из истории Могольского государства, в которых принимали участие или отличились его родовичи, дальние или близкие родственники, его трудно упрекнуть в излишней сдержанности. Вполне допустимо, что Шах-Махмуд Чурас в этом несколько наивном, но вполне понятном и объяснимом стремлении как можно полнее осветить различные эпизоды деятельности чурасов не всегда сохраняет чувство меры и иногда преувеличивает значение этого рода в истории страны³. Однако эти рассказы оказывают нам определенную помощь

¹ Так именует себя наш автор в «Хронике» (л. 36) и в предисловии к *Анис ат-табиин* (л. 2а), но в дальнейшем в этом же сочинении (лл. 105б–106а) он, цитируя обращенные к нему слова, называет себя также или «мирза Шах-Махмуд», или «Шах-Махмуд-бек». Точно так же величает его и Мир Хал ад-Дин (*Хидайат-наме*, л. 57а). В тюркском переводе *Анис ат-табиин* его имя приведено в форме — мирза Шах-Махмуд б. мирза Фазил Чурас (*Рафик ат-табиин*, л. 7а).

² *Анис ат-табиин*, лл. 94а, 98а, 105а–б, 106а.

³ «Хроника», лл. 506, 54а, 56а–б, 57а, 58а–б, 59а–62а, 63б–66а, 67а–б, 68б, 69а–73а, 74а, 75а, 78б, 79б, 80а. В этой связи «Хронику» можно рассматривать и под другим углом зрения, а именно как попытку если не составить историю рода чурас, то собрать воедино все доступные автору сведения о нем. Примером для него служил в первую очередь его основной источник *Тарих-и Рашиди*, в котором Мухаммад-Хайдар проделал такую работу касательно рода дуглат. В настояще время мы можем констатировать, что Шах-Махмуду не удалось составить нечто подобное. Но тем не менее определенные материалы по истории рода, вошедшие в его труд, он собрал. Заметим, что в одном случае в стремлении поднять значимость своего рода он пошел на прямую фальсификацию сведений, почерпнутых им у своего основного первоисточника. Как и в ряде других аналогичных пассажей, связанных, однако, с сокращением заимствованного

Введение в изучение памятника

(при известном подходе к ним) в попытке наметить вехи биографии автора, поскольку они, несомненно, отражают среду, в которой тот родился, вырос и сформировался. С другой стороны, эти рассказы, как нам представляется, выполняют еще одну, на этот раз «скрытую» функцию. Благодаря им перед читателем предстает не простой летописец или незаметный хронист без рода и племени, а знатный происхождением, образованный и влиятельный бек из рода чурас.

* * *

Нам не удалось обнаружить в доступных источниках сколько-нибудь связную историю рода чурас⁴, но отрывочные и иногда случайные сведения об отдельных представителях военно-кочевой знати чурасов, проходивших через историю Моголистана и Могольского государства, фиксируются в них уже с середины XIV в. Согласно традиционной классификации тюркских и монгольских племен и народов, этот род входил в правое крыло и был достаточно могущественным и многочисленным, чтобы оспаривать у рода бекчик право идти на краю (т. е. быть первым) как на охоте, так и во время военных действий⁵. Известно, что предводитель рода первоначаль-

материала, он произвел эту «обработку» весьма неаккуратно, что приводит к значительным трудностям понимания текста, не прибегая к помощи *Тарих-и Рашиди*.

Ср. *Тарих-и Рашиди* (рук. С 395, л. 826):

امیر سلطان علی چراس
که از آن باز که امرا بایسان بوغا خان مخالفت کرده بودند وی بهمان
مخالفت دیگر به هیچکس از خانان موافقت نکرده بود وی را نیز کشت

«Эмир Султан-'Али чурас, который, после того как эмиры выразили неповиновение Эсси-Буга-хану, под предлогом того неповиновения не подчинился более никому из ханов. Он (Султан-Ахмад-хан) также его убил».

Дیگر امرای چراس از آن باز که امرا
بایسن بوغا خان مخالفت کرده بودند وی بهمان مخالفت دیگر به هیچکس
از خانان مخالفت نکرده بودند وی را نیز بقتل رسانید
«и еще эмиры чурасов, которые после того как эмиры выразили неповиновение Эсси-Буга-хану, он (!) из-за того самого неповиновения более никому из ханов неповиновения не оказывали (!). Он также его убил».

«Захир ад-Дин Бабур упоминает как туман чурас, так и род (*уруг*) чурас (*Бабур-наме*, изд. Беверидж, лл. 96–10a, 100б; пер. Салье, 20, 117). Мухаммад-Хайдар (рук. С 395, л. 227а–б) отмечает *табака-ий чурас*, что можно перевести как ‘род чурас’, ‘подразделение чурас’ (ср. пер. Росса, 308, где ‘family’), Махмуд б. Вали (*Баҳр ал-асраф*, л. 83б) — *мардум-и чурас* ‘народ чурас’. Сам Шах-Махмуд (*«Хроника»*, л. 58а) называет чурасов ‘народом’ (*қауым*), анонимный же автор (*«История Кашгарии»*, л. 41а) — *аймак*.

⁴ *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 100; пер. Салье, 117; *Мухаммад-Хайдар*, рук. С 395, л. 227б; пер. Росса, 308. По словам же нашего автора (*«Хроника»*, л. 57а), первенствую-

Сведения об авторе

но выступил против того, чтобы Тоглук-Тимур-хан (1348–1363) принял ислам⁶. Не последнюю роль сыграли беки и эмиры чурасов в смуте среди монгольского улуса, которая возникла сразу же после смерти Вайс-хана (1428 г.). В результате верх взяли сторонники Эсен-Буга-хана (1434–1462), а чуравские беки и эмиры племени байрин потерпели неудачу. «В связи с этим Иразан, один из беков тумана Барин, и Мирек Туркмен, принадлежавший к числу беков тумана Чарас, привели [Юнус-]хана с тремя-четырьмя тысячами семейств монголов к Улуг-беку мирзе, чтобы, получив помощь, снова захватить улус монголов»⁷. Следует отметить, что в Мавераннахр ушла только часть племени байрин и рода чурас, другая часть по неизвестным нам причинам не последовала за своими соплеменниками, а предпочла уйти к калмакам Амасанджи-тайши, отказавшись признать власть Эсен-Буга-хана⁸. Неповиновение чуравских продолжалось весьма длительный период, пока Султан-Ахмад-хан (ум. в 1503–04 г.), сын и преемник Йунус-хана, не привел их к покорности, убив предводителя рода эмира Султан-‘Али⁹.

Среди воинов почти пятитысячного войска, с которым Султан-Сайд-хан в 1514 г. вторгся во владения мирзы Аба Бакра дуглата, мы встречаем трех чуравских эмиров. Двое из них, а именно Мункебек, считавшийся их предводителем, и его брат Баба-Сариг-мирза, вели за собой по дружине, насчитывающей каждая более ста нукеров¹⁰.

щее положение на правом крыле принадлежало чуравским эмирам, эмирам народа духтуй и предводителю керайтов. Однако это утверждение вызывает сомнение в свете сообщения Мухаммад-Хайдара (рук. С 395, л. 226а), который замечает, что спор за первенство между эмирами народа духтуй и племени барлас, входивших в состав левого крыла, так и не получил разрешения. Ср. также «Хронику» (л. 30а), где повторены слова Мухаммад-Хайдара, приведенные выше.

⁶ Мухаммад-Хайдар, рук. С 395, л. 54а; «История Кашгарии», л. 41а.

⁷ Бабур-наме, пер. Салье, 17–18. Подробнее об этих событиях см.: Бартольд, Очерк истории, с. 87; также Ахмедов, Государство, с. 56–57. Цифра в 30 тыс. семейств-кибиток (*си хазар ханавар*), которую приводит Мухаммад-Хайдар (л. 54а), восьмь разнится и, по нашему мнению, изрядно завышена. Мы предлагаем читать вместо 30 тыс. семейств — 30 тыс. человек, что количественно почти соответствует числу, указанному Бабуром, т. е. 3–4 тыс. семейств-кибиток. Ср. аналогичную ошибку, допущенную Мухаммад-Хайдаром, на которую указал К. И. Петров (К истории, с. 186).

⁸ Мухаммад-Хайдар, рук. В 648, л. 57а; в «Хронике» (л. 46) — «к сыну Эсен-тайши».

⁹ Мухаммад-Хайдар, рук. С 395, л. 826; также прим. 3 выше.

¹⁰ Мухаммад-Хайдар, рук. С 395, л. 227а. В отличие от Мухаммад-Хайдара анонимный автор указывает, что оба бека вели по дружине, насчитывающей каждая более ста нукеров, а третий брат — Шахбаз-мирза — вслед за дружинников. Общее число нукеров у трех братьев приближалось к пятистам («История Кашгарии», л. 56а). Ср. в этой связи: Петров, Очерки, с. 114: «примерно 100» и «джираас».

Введение в изучение памятника

После того как это безумное по смелости предприятие увенчалось полным успехом¹¹, чурасы обосновались на северо-востоке государства, образованного Султан-Са‘ид-ханом, в районе Аксу и Уча¹². Можно предположить, что хан даровал им эти земли в удел как награду за помощь и поддержку.

В течение последующих 70 лет, в период правления Султан-Са‘ид-хана (1514–1533), его сына ‘Абд ар-Рашида (1533–1560) и почти всего времени правления сына последнего ‘Абд ал-Карима (1560–1591), представители этого рода не пользовались, видимо, сколько-нибудь заметным влиянием при дворе¹³ — молчание источников и главным образом Шах-Махмуда Чуласа является лучшим тому свидетельством. Несомненно, чурасы принимали участие в многочисленных внешнеполитических предприятиях этих ханов (походы на Андижан и Ош против узбеков, в Моголистан против казахов и киргизов, на Чалыш и Турфан, в Болор и Бадахшан), но они играли в них второстепенную роль, и поэтому летописцы не уделили им внимания на страницах своих хроник.

Судя по имеющимся источникам, возвышение этого рода и его выдвижение в число наиболее влиятельных группировок при ханском дворе в Яркенде начинается при Мухаммад-хане (1591–1609), а при его сыне Шах-Шуджа‘ ад-Дине Ахмад-хане (1609–1618) представители рода занимают уже ряд ключевых постов¹⁴. Хотя наш автор возвышение рода относит всецело к числу чудесных «дeяний» ход-

¹¹ Бартольд, Очерк истории, с. 92.

¹² Это подтверждается свидетельством источников, правда для несколько более позднего времени, которые отмечают, что начиная с 80-х гг. XVI в. хакимами, т. е. военными губернаторами этих городов, большей частью назначались представители рода чурас. Точно такая же практика, когда главой военно-гражданской администрации какого-либо уезда (волости, провинции) назначался эмир находившегося в нем рода или племени, была широко распространена также в соседнем Мавераннахре, и такая местность рассматривалась, как правило, в качестве собственности рода или племени. Кроме того, в длительных, шедших с переменным успехом до 30-х годов XVII в. военных действиях между центральной яркенской властью и ‘Абд ар-Рахим-ханом, сидевшим в Чалыше и Турфанд, которые велись на территории от Уча и Аксу до Кусана и Чалыша, неизменно принимали участие отряды, руководимые эмирами и беками из рода чурас. Следует отметить, что подавляющее их число поддерживали центральную власть (*Baxr ал-асрап*, лл. 856, 87a, 88б; «Хроника», лл. 56а–59б, 61а–62б).

¹³ Каким, например, пользовались дуглаты при Султан-Са‘ид-хане, барласы — при ‘Абд ар-Рашид-хане и урдубеги — при ‘Абд ал-Карим-хане.

¹⁴ *Baxr ал-асрап*, лл. 836, 856, 87a, 86, 89а, 90а; «Хроника», лл. 50б, 54а, 56а–6, 57а–6, 58а–6, 60а, 61а–6; *Анис ат-талибин*, лл. 916–92а, 93б.

Сведения об авторе

жи Мухаммад-Исхака Вали¹⁵, по нашему мнению, этому способствовал целый ряд объективных и субъективных причин, к которым мы обратимся ниже.

В Могольском государстве мы не встречаем той сравнительно высокой степени централизации и консолидации ханской власти, которая наблюдается, например, в соседнем Мавераннахре в ту же эпоху. Более того, в истории страны были весьма редки периоды, когда авторитет центральной власти стоял достаточно высоко и она могла бы относительно легко подавить любое сепаратистское выступление. Устойчивость же ханской власти при ‘Абд ар-Рашиде и в первой половине правления его сына и преемника ‘Абд ал-Карима, а именно это время мы имеем в виду, объясняется тем, что, во-первых, ханский домен, который состоял в основном из оседлого местного крестьянства, выплачивавшего налоги в ханскую казну, сохранил еще свою экономическую мощь. Это, в свою очередь, позволяло хану держать на службе крупные военные силы и значительно уменьшало его зависимость от племенных ополчений и дружин отдельных феодалов. Во-вторых, успешная внутренняя и внешняя политика, проводимая этими ханами, давала возможность военно-кочевой знати тюрко-монгольских племен и родов обогащаться как за счет эксплуатации своих уделов, так и за счет удачных грабительских войн с соседями. Однако даже этим ханам, несмотря на наличие собственной военной силы и довольно разветвленной государственной администрации, чтобы избавиться от засилья знати отдельных племен, пришлось частично уничтожить ее физически, частично подавить экономически, т. е. разорить или выслать за пределы страны. Именно таким образом ‘Абд ар-Рашид расправился

¹⁵ В рассказе о том, как ходжа Исхак прибыл в Аксу и об отдельных инцидентах, которые произошли в связи с вербовкой им мюридов, автор замечает, что его прадед (*джадд-и а'ла*) Кутлуг-Мухаммад-мирза-йи чурас и брат последнего, Мамук-мирза, признали ишана своим духовным наставником и приложили немало усилий, чтобы склонить жителей Аксу на сторону ходжи Исхака. Далее он добавляет, что, узнав от новоявленных мюридов, что они страдают отсутствием потомства, ходжа Исхак обещал «вознести молитву о помощи», и благодаря ей у Кутлуг-Мухаммада и Мамук-мирзы появились дети, которые, как с гордостью отмечает автор, «все достигли эмирского звания» (*Анис ат-талибин*, лл. 91б–92а, 93б;ср. этот же рассказ, приведенный в «Хронике», л. 50б). Названные Шах-Махмудом Чурасом мирза Хашим-бек, мирза Мазид-бек, мирза Назар-бек, мирза Латиф-бек и мирза Курбан-бек неоднократно отмечаются Махмудом б. Вали в *Бахр ал-асрас* как активные участники борьбы с ‘Абд ар-Рахим-ханом (лл. 86б, 87а, 88б, 89а, 90а). О ходже Исхаке и его деятельности в Могольском государстве см. прим. 94 к тексту нашего перевода «Хроники».

Введение в изучение памятника

с дуглатами¹⁶, а ‘Абд ал-Карим — с барласами¹⁷, пришедшими на смену первым еще при его отце. Но уже их преемники не могли решиться на столь крутые меры, реальная власть сюзерена была значительно слабее возможностей его формальных вассалов¹⁸. Стремясь избавиться от засилья могущественных феодалов, ханы пытались использовать противоречия между отдельными феодальными группировками, чтобы, опираясь на одних, лишить чрезмерного влияния других. История Могольского государства в XVII в. полна такого рода примеров кратковременных сделок, политических интриг, «карманных» дворцовых переворотов. Появление рода чурас на политической сцене, его возвышение и в дальнейшем активная роль отдельных его представителей при центральном дворе в Яркенде и в уделах Кашгар и Аксу находятся в прямой зависимости от подобной политики ханской власти¹⁹. Мы уже отмечали, что возвышение чурасов, судя по источникам, относится ко времени правления Мухаммад-хана. Причем вначале они обратили на себя внимание той ролью, которую сыграли в борьбе с узбекской армией, вторгшейся из Мавераннахра на третий год правления этого хана²⁰. Тогда

¹⁶ Мухаммад-Хайдар, рук. С 395, л. 321б; *Бахр ал-асрас*, л. 74б.

¹⁷ «Хроника», л. 49а.

¹⁸ Например, когда, по сообщению Шах-Махмуда Чуласа, Шах-Шуджа‘ ад-Дина Ахмад-хана предупредили, что против него готовится заговор, тот отказался уничтожить заговорщиков. Наш автор объясняет отказ хана его благородством, которое в конечном счете и привело его к гибели. В действительности все было значительно проще — хан просто не решился открыто выступить против могущественных феодалов («Хроника», л. 62а; «История Кашгарии», лл. 74б–75а; *Бартольд*, Отчет, с. 179–180). Для сравнения укажем на случай, когда при вступлении ‘Абд ал-Карим-хана на престол только ханского указа, переданного Джан-Мухаммад-мирзы Ахмаду барласу, оказалось достаточно, чтобы недовольные в числе трех тысяч рассеялись («Хроника», л. 49а).

¹⁹ Заметим, что Шах-Шуджа‘ ад-Дин Ахмад-хан поплатился жизнью за то, что, стремясь избавиться от засилья могущественной военно-кочевой знати, попытался осторожно опереться в борьбе с нею на второстепенные роды (к каковым принадлежали чурасы) и тем самым исподволь укрепить свою власть. Махмуд б. Вали, со слов своего информатора — миры Латифа чуласа, следующим образом объясняет причину, которая привела хана к гибели (л. 90а): «...по той причине, что хан, приблизив кос-кого из незнатных, даровал им должности людей благородных». К сожалению, позиция, занятая в этом вопросе черногорскими ходжами, нам неизвестна — источники ничего не сообщают.

²⁰ Только биограф ‘Абд ал-Мянна фиксирует дату похода узбеков: «Был тысячный год, узбек пришел в год Собаки», а из его последующих слов вытекает, что ‘Абд ал-Карим-хан умер либо в конце 998/1590 г., либо не позднее середины 999/1591 г. Указанная дата похода узбеков представляется в свете сообщений других источников («Хроника» и *Анис ат-талибин* Шах-Махмуда Чуласа, «История Кашгарии» и *Тарих-и амни*) ошибочной. Данные источники указывают либо 999/1591 г. как год смерти

Сведения об авторе

в сражении под Кашгаром отряд, которым командовал Хайдар-бек Чурас и в который входила его дружина, смелой атакой спас могольскую армию от разгрома²¹.

Если при 'Абд ал-Кариме масштабы миссионерской деятельности суфийского ордена *накибандийе*²² были сравнительно невелики, а попытка ходжи Исхака Вали (ум. в 1008/1599 г.) закрепиться в стране успеха не принесла, так как хан под влиянием близких к нему кругов местного духовенства и представителей ордена *увайсийе*, главным образом, объявил его присутствие в Яркенде нежелательным и ходжа Исхак был вынужден покинуть столицу государства²³, то в правление Мухаммад-хана этот орден значительно активизировался и стал оказывать серьезное влияние на внутреннюю жизнь страны. Источники объясняют этот факт исключительно набожностью и богообоязненностью хана, а также «чудесами» (*карамат*) ходжи Исхака и его потомков. Вполне допустимо, что Мухаммад-хан от-

²¹ 'Абд ал-Карим-хана и 1000 / 1591–92 г. как год вступления на престол Мухаммад-хана, либо приводят этот же 1000 г. х. как год смерти первого и вступления на престол второго (ср. «Хроника», лл. 50а, 53а, 55б; *Анис ат-талибин*, л. 94а; *Тазкире-ийе 'Абд ал-Маннан*, л. 146; «История Кашгарии», л. 69а; *Тарих-и амнийе*, 19–20). Поскольку, по сообщению тех же источников, поход имел место на третьям году царствования Мухаммад-хана, то, следовательно, события развернулись либо в конце 1002/1594 г., либо в начале 1003/1594 г. В этот период года персвалы свободны от снега и льда и доступны для прохождения крупных сил (см. также прим. 137 к нашему переводу «Хроники»)

²² Подробнее о походе и его результатах см. нашу статью «Кашгарский поход», с. 5–9.

²³ В данном случае мы имеем в виду деятельность только ходжей линии ходжи Исхака Вали, известных под прозванием «черногорцев» (*карамаглик*), которые закрепились в Яркенде и пользовались исключительным влиянием при дворе. Мы не касаемся деятельности их политических противников и соперников в борьбе за власть, а именно ходжей линии старшего брата ходжи Исхака — Ходжи Калана (Мухаммад-Амина), т. с. «белогорцев» (*акмаглик*), чьим центром был Кашгар, где они обладали преимущественным влиянием. Первые известны также как секта *исхакийе*, а вторые — как секта '*ишикийе*'.

²⁴ По словам Шах-Махмуда Чураса, после размолвки с ханом ходжа Исхак провел в стране весьма значительное время (только в одной области Хотан — три года). Его сообщение подтверждается двумя биографами ходжи Исхака, написавшими свои труды (*Зийа' ал-кулуб* и *Джасалис ал-муштакин*) в самом начале XVII в., но так и оставшиеся неизвестными нашему автору. В этой же связи Мухаммад-Садик Кашгари, для которого *Зийа' ал-кулуб* являлось первоисточником, отмечает, что ходжа Исхак Вали провел в Могольском государстве 12 лет. Только биограф 'Абд ал-Маннана замечает, что 'Абд ал-Карим-хан приказал ему покинуть Яркенд, уехать в Хотан, а оттуда в Дсхбид («Хроника», л. 50а; *Анис ат-талибин*, л. 97а–б; *Зийа' ал-кулуб*, лл. 246–25а, 27а; *Джасалис ал-муштакин*, лл. 406–41а, 93б; *Тазкире-ийе х'аджаган*, с. 16–17, 19; пер. Шоу, 33–34; *Тазкире-ийе 'Абд ал-Маннан*, лл. 126–13а). Подробнее см. прим. 101–103 к нашему перевodu «Хроники».

Введение в изучение памятника

личался указанными чертами характера, был человеком неустойчивым, слабым и экстатичным и подпал под влияние столь тонкого и хитрого политика, каковым был ходжа Исхак²⁴. Однако этот вопрос, т. е. распространение влияния ордена *накибандийе*, можно рассматривать и в другом аспекте, а именно с позиций сознательных действий и шагов хана, ведших центральную власть к союзу с орденом. Действительно, к тому времени ханская власть уже не была в состоянии только своими силами обуздать военно-кочевую знать племен и земельную аристократию. Поэтому под таким углом зрения ее попытки привлечь себе в союзники *тиров* и *муришдов* суфийской конгрегации *накибандийе*, которая представляла собой не только мощную идеологическую, но и серьезную материальную силу в лице многочисленных, слепо преданных и фанатичных мюридов, представляются естественными. Отсюда пожалование руководителям ордена крупных земельных наделов, отдельных деревень, освобождение от уплаты налогов, право разработок копей нефрита, поощрение строительства медресе и странноприимных домов²⁵. Несомненно, что существовали еще какие-либо привилегии, но нам о них неизвестно.

В результате ходжи постепенно превратились в одну из основных политических сил в государстве, с которой не могли не считаться как военно-кочевая знать, так и земельные феодалы, а их влияние на светскую власть в лице хана и государственный аппарат подчас оказывалось решающим²⁶. Обладая значительными земельными

²⁴ См.: *Зийа ал-кулуб*, лл. 29б–30б, 80б; *Джалис ал-муштакин*, лл. 38а–40а, 41б–62б, 84б; «Хроника», лл. 49б–50а, 54б; *Анис ат-талибин*, лл. 88б, 90а, 95б, 97б, 98а; *Тазкире-йи хаджасган*, с. 16–19; пер. Шоу, 33–34.

²⁵ О пожалованиях см. *Анис ат-талибин*, лл. 88б, 91а–б, 96а, 101а.

²⁶ Так, согласно *Бахр ал-асрас* (л. 90б), именно Ходжа Шади (Мухаммад-Йахайа), сын ходжи Исхака, выступил посредником в мирных переговорах между ‘Абд ал-Латиф-ханом (ум. ок. 1040/1630–31 г.) и ‘Абд ар-Рахим-ханом (ум. в 1044/1634–35 г.) — владельцем Турфана и Чалыша. При посредничестве этого ходжи непрочный мир был заключен. Любопытно, что кандидатура Ходжи Шади была предложена ‘Абд ар-Рахим-ханом. Далее, Ходжа Шади сыграл сдавливающую роль в устраниении Султан-Махмуд-хана, сына Тимур-султана, и возведении на престол в Яркенде его брата Султан-Ахмад-хана в 1045/1635–36 г. Согласно нашему автору, это случилось следующим образом: «Рассказывают, что Султан-Ахмад-хан, что известен как Фулад-хан, разбитый ‘Абдаллах-ханом, пришел к своему брату Султан-Махмуд-хану, известному как Клыч-хан. Клыч-хан — царевич смелый и отважный — собрал многочисленное войско, с тем чтобы пойти (походом) на Аксу против ‘Абдаллах-хана, да освятится могила его. Но некоторые из деяний и поступков Клыч-хана оказались носовыми для благородным шариатом, посему Ходжа Шади повелел Хафизу Насир-халифу, что имел почетным прозванием Фуньги-халифа, и мирзе Мазид-беку, который был известен как Халифа-бек:

Сведения об авторе

угодьями в главных земледельческих районах страны (деревни Файзабадской волости около Кашгара, в Аксуйской области и в Хотанском оазисе²⁷), а также большими богатствами, накопленными

“Великие от веры устранили из [сего] мира Клыч-хана и посадили вместо него Фуладхана. Вы же отправляйтесь и возведите на престол Фулад-хана”. Фуньги-Суфи и Халифа-бек прибыли к Фулад-хану, который обитал в Шамал-Баге, Клыч-хан же располагался в крепости (*арк*) Аба Бакр-мирзы. Фуньги-халифа и Халифа-бек, усадив Фулад-хана на возвышенное место, объявили ханом. Не прошел и час после этих дел, как (л. 100а) пришел повидать своего старшего брата Клыч-хан. Оба брата расположились на одном ковре и, обговорив разные дела, поднялись и распрощались, пожелав друг другу всего доброго. Так как Клыч-хану захотелось выпить немного *араки*, он пошел во дворец. Люди Фулад-хана сильно перетрусили — дескать, Фуньги-халифа и мирза Мазид-бек, что известен как Халифа-бек, назвав себя уполномоченными и сказав, что ‘азизаны прокляли Клыч-хана, посадили на трон Фулад-хана, но вот-вот появится Клыч-хан и, узнав об этом, завтра же их перебьют. Фуньги-халифа и Халифа-бек ответили: “Мы совершили это не просто так, а взялись за дело по повелению Ходжи Шади. Не пугайтесь и приободритесь”. Той же ночью, когда Клыч-хан прибыл в ставку, желчь у него разлилась в крови, и он умер. Наутро эмиры и всльможи прибыли к Ходже Шади и доложили о смерти Султан-Махмуд-хана. Ходжа вместе с эмирами и везирами, великими и малыми направился в Шамал-Баг, привел Султан-Ахмад-хана в ставку, и они объявили его ханом” (*Анис ат-талибин*, лл. 99б–100а, ср. также: «Хроника», л. 68а). Хотя мы и допускаем некоторое преувеличение той роли и влияния, которое отводят наш автор как ревностный приверженец черногорских ходжей Ходже Шади в делах государства, тем не менее у нас не возникает сомнений в том, что Султан-Махмуд-хан был устраниен в результате заговора (а имению такой вывод проистекает из рассказа Шах-Махмуда Чураса), активную роль в котором сыграли ходжи. Видимо, стремление Султан-Махмуд-хана энергичными и крутыми мерами укрепить и консолидировать ханскую власть встретило оппозицию в лице воинно-кочевой знати, к которой примкнули ходжи, поскольку в своих действиях хан не мог не затронуть их интересов (даже если он не прибег к помощи их политических противников — белогорцев, уже прочно обосновавшихся в Кашгаре). В результате Султан-Махмуд-хан был отравлен. Замстим, что одним из исполнителей воли Ходжи Шади был мирза Мазид-бек Чурас, приходившийся родственником нашему автору. Новый хан щедро отблагодарил лиц, помогавших ему вступить на престол, а Ходжа Шади получил в дар деревню Кумани («История Кашгари», л. 87а). Но положение Султан-Ахмада оставалось шатким и неустойчивым. В связи с этим ходжи обращают внимание на нового претендента — ‘Абдаллах-хана, сына ‘Абд ар-Рахима. Ходжа Шади входит с ним в контакт, направив к нему своего зятя Падшах-ходжу («Хроника», л. 68б; «История Кашгари», л. 87б). Заручившись поддержкой ходжей и их сторонников, ‘Абдаллах-хан сравнительно легко сумел захватить власть в Яркенде и Кашгаре, несмотря на то что первоначально в этой борьбе он понес поражение от Султан-Ахмад-хана под Тургаем. Победа ‘Абдаллаха имела место в 1047/1637–38 г. и знаменовала собой объединение всей страны от Яркенда и Кашгара до Чалыша и Турфана под властью одного хана.

²⁷ «Хроника», л. 78б; *Анис ат-талибин*, лл. 91а–б, 96а; «История Кашгари», л. 87а. Согласно Мухаммад-Садику Кашгари, черногорские ходжи еще при Ходже Афаксе (ум. в 1105/1694 г.) владели орошаемыми землями в Файзабаде около Кашгара, в Токузкенте около Яркенда, в Ак-Сарасе около Хотана и в Ак-Йаре около Аксу (*Тазкире-йи*

Введение в изучение памятника

в результате эксплуатации крестьян, разработок нефритовых месторождений²⁸, подношений неофитов²⁹ и ростовщической деятельности, окруженные многочисленными приверженцами, последователями и мюридами³⁰ (в число которых подчас входили ханы, их ближайшее

х^ааджаган, с. 32; пер. Шоу, 38. Ср. также: *Валиханов*, О состоянии, с. 302, и *Думан*, Аграрная политика, с. 64). Для сравнения отметим, что политические противники черногорцев — белогорские ходжи — также владели громадной земельной собственностью. О размерах ее можно судить по следующему примеру: только «мечети Апака ходжи (Häzrät-Afak) принадлежали близ Кашгара 43 470 га пахотной земли, 48 пар мельничных поставов, 15 больших крестьянских дворов» (*Думан*, Аграрная политика, с. 65).

²⁸ *Анис ат-талибин*, лл. 886 (на полях), 966.

²⁹ Согласно этическим нормам позднего суфизма каждый новообращенный мюрид должен был сделать подношение-подарок своему духовному руководителю-муршиду. Этот дар в технической терминологии суфисов (во всяком случае, ордена *накибандийе*) получил название *нийаз*. По словам автора суфийской энциклопедии *Та'лим аз-закирин* (лл. 54а–55а), исофит при посвящении в мюриды обязан был дать своему наставнику «хотя бы сломанную иглу». На самом же деле размеры такого подношения были значительно большими. И чем весомее было влияние и шире известность *муршида*, тем выше становилась, так сказать, ставка регламентированного (т. е. не менее твердо установленной) суммы денег, числа голов скота или размера земельного участка) *нийаза*. Ходже Исхаку, например, мюриды «дарили» лошадей под седлом и со сбруей, землю, дорогое оружие, наличные деньги — от ста до тысячи хани и т. п. (*Зийа' ал-кулуб*, лл. 196, 1216, 1226, 125а, 128а–б, 147б; *Джалис ал-муштакин*, л. 32б; *Анис ат-талибин*, л. 896). *Хани* — *теньге* времени Абдаллах-хана (1532–1598), которая чеканилась из серебра и по весу была равна одному мискалю (4,6–4,8 г) (см.: *Иванов*, Хозяйство, с. 49, прим. 8; *Давидович*, История, с. 84–85). Вместе с тем это не мешало ходже Исхаку требовать за свои «чудеса» именее значительные суммы, как, например, он взял три *теньге* за «помощь в отыскании пропавшей коровы» (ср. весьма колоритный рассказ в *Зийа' ал-кулуб*, л. 70а–б). Его преемники не уступали ему в этом отношении (*Анис ат-талибин*, л. 996). О размерах *нийаза* ср. также: *Семенов*, Уникальный памятник, I, с. 58; II, с. 42.

³⁰ Даже судя по источникам, написанным с позиций, защищающих интересы ходжей, весьма незначительное число крестьян и городских жителей становилось мюридами ходжей по искреннему убеждению; подавляющая часть рекрутировалась грубой и голой силой. Вербовка мюридов проводилась в основном представителями ходжей на местах. В качестве примера укажем на деятельность одного из ближайших «заместителей» (халифа) ходжи Исхака Шутур-халифи (подробнее о нем см. прим. III к нашему переводу). Источники сообщают, что по обыкновению халифа разъезжал по странам верхом на лошади, в окружении «великого сборища» (*джам' ийят-и 'азим*) своей пешей пасты, с тяжелым посохом в руках, которым он нередко «поколачивал и поучал строптивых», т. е. тех, кто отказывался признать духовное руководство ходжей. Рассказывают, что как-то патрон сказал ему, недовольный тем, что жители Яркенда и Кашгара не торопились признать его духовный приоритет: «Крепко побей сих недочеловеков». Шутур-халифа со своими людьми колотил всех подряд, после чего каждый сбитый им наземь проворно вскакивал и «говоря “Мой господин”, становился мюридом и искренним приверженцем» (*«Хроника»*, лл. 506–51а; *Зийа' ал-кулуб*, лл. 296–306; *Анис ат-талибин*, лл. 916, 966–976). О проповеди ходжой Исхаком ислама среди казахов, киргизов и мо-

Сведения об авторе

окружение и крупные феодалы), ходжи практически превратились из духовных феодалов в светских и в конце XVII в. уже реально претендовали на верховную власть в стране³¹. Несомненно, что в начальный период, когда черногорские ходжи только обосновались в Могольском государстве, помощь, оказанная им в любой форме, имела для них немаловажное значение, поскольку способствовала укреплению их положения. И, конечно, поддержка, которую получил ходжа Исхак от прадеда автора в Аксу, не была забыта впоследствии, во время правления Мухаммад-хана, который, как известно, был назначен ходжой Исхаком своим старшим заместителем (*халифат ал-хулафа*) и получил от него право на духовное руководство (*иришад*) всеми мюридами³². С другой стороны, и сами чурасы не прерывали своих связей с черногорскими ходжами, многие из них становились мюридами буквально по наследству³³, что, в свою очередь, несомненно содействовало упрочению позиций рода в феодальной среде. С течением времени эти связи превратились в прямое сотрудничество верхушки второстепенного, а затем могущественного

голов см.: *Ворожейкина*, Доисламские верования, с. 182–189; *Юдин*, Известия, с. 71–76, а также «Хроника», лл. 50а–51а; *Анис ат-талибин*, лл. 92б–93а.

Наш автор в *Анис ат-талибин* (л. 103а) приводит фантастическое число мюридов черногорских ходжей — 40 тыс. По всей видимости, указанная цифра просто означает, что мюридов было много, и в таком смысле ее следует понимать.

Ходжи ревниво оберегали свои интересы и были беспощадны к тем, кто переманивал их мюридов. Устранение подобных соперников ударом кинжала из-за угла или отравленным ядом было делом обычным. Такие «действия» их приверженцы впоследствии наивно восхваляли как «проявление сверхъестественной силы» и «чуда». И если в «Хронике» Шах-Махмуда эта сторона практики ходжей никак не освещается, то в «житиях» мы наблюдаем эту яростную и кровавую борьбу (*Анис ат-талибин*, лл. 94а, 101б). Весьма иллюстративен в этом смысле и рассказ автора *Зийа' ал-кулуб* (лл. 98б–99б) об ужасе, который обуял некого 'Абдаллаха Дара-Кази, когда ему показалось, что один из последователей ходжи Исхака Вали желает перейти к нему в мюриды: он-то хорошо представлял себе, чем это ему грозит. О борьбе за мюридов см. также: *Семенов*, Универсальный памятник, I, с. 55; II, с. 38–39.

³¹ Л. И. Думан в следующих словах охарактеризовал сложившееся положение: «Естественно, что связанные с земельной собственностью, а через нее и с феодальными правителями ходжи принимают активное участие в борьбе отдельных ханов за власть, т. с. за право владения землей и эксплоатации крестьянства» (Аграрная политика, с. 65).

³² *Анис ат-талибин*, лл. 95б–96а, 97б.

³³ Так, сын Кутлуг-Мухаммад миранда-йи чураса эмир Мазид-бек был одним из заместителей ходжи Исхака и Ходжи Шади и получил известность как Халифа-бек (о его деятельности см. выше, прим. 26). Отец автора также стал мюридом Ходжи Шади, а впоследствии его сына Ходжам-Падшаха (Мухаммад-'Абдаллаха). Шах-Махмуд Чурас пошел по стопам отца и «стал ревностным приверженцем» указанных ходжей (см. *Анис ат-талибин*, лл. 98а, 98б–99а).

Введение в изучение памятника

и влиятельного рода с черногорскими ходжами. Вполне вероятно также, что чурацкие беки и эмиры, стоявшие во главе рода, оказались дальновиднее и проницательнее своих соперников из среды военно-кочевой знати в борьбе за власть и влияние. Это сказалось, видимо, в том, что они раньше других сумели правильно оценить складывавшуюся при дворе и в государстве ситуацию, а с нею и реальные возможности появившейся на политической арене новой силы в лице черногорских ходжей.

После смерти Мухаммад-хана, последовавшей в 1018/1609–10 г., в правление его сына и преемника Шах-Шуджа' ад-Дина Ахмад-хана (1018–1028/1609–1618) резко обострилась борьба, которую вел Ахмад-хан со своим дядей по отцу 'Абд ар-Рахим-ханом — практически независимым владельцем Чалыша и Турфана. Известно, что в феодальном средневековье господствовал взгляд на государство как на личную собственность правящей династии, каждый представитель которой имеет право на управление своими собственными уделами в нем. Такой взгляд, не говоря уже о практике, не мог не способствовать росту смут, междуусобий и как закономерный результат — феодальной раздробленности³⁴. Могольское государство не явилось исключением из этого правила, в нем также господствовала система уделов, как и в соседних с ним государствах — Мавераннахре и Индии. Вся его весьма значительная территория была разбита на отдельные уделы и владения и распределена между членами ханской семьи и влиятельными могольскими племенами и родами. Правители, сидевшие в том или ином уделе, правили независимо от центральной власти, что зачастую даже специально оговаривалось, и очень болезненно реагировали на вмешательство центральной власти во внутренние дела удела. В этом смысле весьма примечателен и характерен рассказ Шах-Махмуда о реакции на действия Мухаммад-хана миры Тенгри-Берды барласа — аталаха Абу Са'ид-султана и хакима Кашгара, резко выступившего против вмешательства хана в дела Кашгарского вилайета³⁵. Пример 'Абд ар-Рахим-хана явился еще одним подтверждением подобной практики. Закрепившись в Турфане и Чалыше после того как он с помощью войск яркендского хана разгромил мятеж Худабанде-султана (ок. 1004/1595–96), 'Абд ар-Рахим, опираясь на свой удел и используя удаленность

³⁴ Ср., например: *Абдураимов*, Очерки, с. 104–106, 108–110.

³⁵ «Хроника», л. 53а–б.

³⁶ Об этих событиях см.: «Хроника», л. 55а; *Бахр ал-асрас*, лл. 82б–83а; *Джалис ал-муштакин*, лл. 54а–56а; «История Кашигари», лл. 71а–72а. Согласно апонимному авто-

Сведения об авторе

его от основных центров страны, повел борьбу сначала за то, чтобы обрести независимость³⁷, а затем, когда он добился прочного успеха, — за распространение своей гегемонии на Яркенд и Кашгар. Последнего он не смог осуществить, но то, что ему удалось стать полноправным и независимым правителем Чалыша и Турфана, косвенно отмечает в «Хронике» Шах-Махмуд Чурас³⁸. В этой затяжной, шедшей с переменным успехом борьбе, заполненной походами, сражениями и стычками³⁹, его союзниками выступали как казахские султаны, в частности Искандар-султан и Ишим-хан⁴⁰, так и калмаки, к помощи которых он прибегал после ухода казахов⁴¹. Не подлежит сомнению, что в ходе и в результате военных действий вес и влияние чурасов, из среды которых постоянно рекрутировались беки и эмиры ханских войск, заметно увеличились. Это обстоятельство в первую очередь было связано с тем, что основные военные действия развернулись на северо-востоке владений яркендского хана. И если на первых порах они не задевали непосредственно границ Аксу и Уча, т. е. области, где обосновался этот род, то в дальнейшем, когда ‘Абд ар-Рахим активизировал свои усилия и военные операции передвинулись к западу, эта область оказалась в центре событий. Махмуд б. Вали, Шах-Махмуд Чурас и анонимный автор четко зафиксировали в своих сочинениях этот шести-семилетний период постоянных сражений, стычек и столкновений, в которых активное

ру (л. 856), ‘Абд ар-Рахим-хан умер в 77-летнем возрасте после 40 лет правления в Турфане и Чалыше. В таком случае дата его смерти приходится на 1044/1634–35 г., так как он родился в 967/1559–60 г. и, следовательно, разбил Худабанде-султана в указанном выше году.

³⁷ Вполне вероятно, что эта борьба подогревалась также и местной традицией, поскольку в истории Восточного Туркестана Турфанский оазис неоднократно становился центром отдельных государственных образований. Так, в начале X в. уйгуры перенесли сюда столицу (зимнюю резиденцию) своего государства (IX–XIV вв.) (см.: Тихонов, Хозяйство, с. 44). А в начале XVI в. Чалыш и Турфан стали центрами независимого владения Мансур-хана (ум. в 950/1543–44 г.) (см.: Бартольд, Очерк, с. 91–92; Петров, Очерки, с. 44–47).

³⁸ Перечисляя владения Мухаммад-хана (1591–1609), он отмечает Чалыш и Турфан, которые отсутствуют у него же в списке владений Шах-Шуджа‘ ад-Дина Ахмад-хана (1609–1618) (см.: «Хроника», лл. 55б, 66б).

³⁹ О перипетиях этой борьбы см.: «Хроника», лл. 56а–67б; *Bahr al-asrar*, лл. 84б–90а, 90б–92б; «История Кашгарии», лл. 78б–85б.

⁴⁰ Подборку сведений об Ишим-хане и казахах см.: Вельяминов-Зернов, Исследование, ч. 2, с. 348–379; Абдураимов, Очерки, с. 114–115; также прим. 222, 228 к нашему перевodu и нашу статью «К вопросу», с. 246–247.

⁴¹ О калмакских отрядах на службе у мусульманских правителейср. также: Златкин, История, с. 165–166.

Введение в изучение памятника

участие принимали беки и эмиры рода⁴². Они командовали отрядами, руководили отдельными операциями и экспедициями, участвовали в обороне, осаде и деблокировании городов⁴³. Те же источники наглядно показывают, как с течением времени им поручались все более ответственные операции, а под их знаменем посыпались все более крупные отряды, что, несомненно, соответствовало росту их влияния и веса в военно-феодальной среде. Нелишне будет заметить, что одна из представительниц рода⁴⁴ была замужем за наследником престола Зийа' ад-Дином Ахмад-султаном, известным как Тимур-султан, который правил в Кашгаре и был основным инициатором борьбы с 'Абд ар-Рахим-ханом.

Итак, подводя итог всему сказанному выше, можно, видимо, прийти к заключению, что в первые годы правления Шах-Шуджа' ад-Дина Ахмад-хана представители рода чурас вошли в число наиболее влиятельной военной аристократии — того сословия, из которого в силу его наследственных привилегий и должностей постоянно рекрутировались высшие военные чины государства: *амир ал-умара'*, хакими городов и областей, просто эмиры и прочие военачальники⁴⁵.

⁴² *Бахр ал-асрас*, лл. 856–916; «Хроника», лл. 56а–59а, 60а, 61б, 62а, 64а–б, 65б, 66а–67б; «История Кашгари», лл. 79а–856.

⁴³ Заслуживает внимания тот факт, что чураиских беков и эмиры принимали участие в указанных военных действиях с обеих сторон. Если большинство чурасов во главе с 'Али-Хайдар-беком и Курбан-беком находились в рядах войска наследника престола Зийа' ад-Дина Ахмад-султана, то некоторые из них выступили и на стороне 'Абд ар-Рахим-хана. В их числе находились, например, брат упомянутых беков Мухаммад-Вали-бек — хаким Чалыша, мирза Йунус-бек, ставший впоследствии верховным эмиром (*амир ал-умара'*) 'Абд ар-Рахима, и мирза Насир («Хроника», лл. 58а, 65б, 67б). К последним Махмуд б. Вали добавляет также мирзу Кара Бахадура, получившего от 'Абд ар-Рахима пост хакима Кусана (Кучи) (см. *Бахр ал-асрас*, л. 856. Косвенное подтверждение сообщения Махмуда б. Вали см.: «Хроника», л. 58а).

⁴⁴ Она приходилась сестрой мираз Турды чурасу («Хроника», л. 59а)

⁴⁵ См. ниже, с. 327. Чурасы в разное время занимали целый ряд главнейших военно-административных и государственных постов: были хакимами Яркенда, Кашгара, Хотана, Аксу, Чалыша, Кусана, Барчука; назначались на должности верховного эмира, атальиков наследников престола (Тимур-султана и Афак-султана); были личными советниками правителей государства. Наш автор отметил это кардинальное изменение в общественном положении чурасов словами, сказанными 'Али-Хайдар-беком во время его встречи с братом — Мухаммад-Вали-беком («Хроника», л. 58а): «Власть в наших руках». Конечно, можно сомневаться в том, что именно эти слова были сказаны Хайдар-беком, но для нас в данном случае важна не столько точность в передаче сказанного, сколько смысл его, переданный Шах-Махмудом, по нашему мнению, правильно, поскольку он соответствовал истинному положению дел, сложившейся реальной расстановке сил. Наконец, еще одним подтверждением и доказательством

Сведения об авторе

Находясь при дворе хана в Яркенде, а также при дворах наместников Кашгара и Аксу, представители рода, конечно, не могли стоять в стороне от придворных интриг и занимать нейтральную позицию по отношению к другим феодальным группировкам (тем более что они еще были приверженцами черногорских ходжей). Борьба за новые привилегии, за высокие должности и назначения была тем яростней, а интриги все более запутанными и коварными, чем слабее становилась центральная власть, чем сильнее была ее зависимость от отдельных партий феодальной знати, для которых ханская власть превращалась в реальную силу лишь тогда, когда она осуществлялась их политическими противниками. Участвуя в интригах против своих соперников, чурасы неизбежно сталкивались с ответными заговорами и интригами. Поэтому род знал не только периоды подъема вверх по лестнице военно-административной иерархии, но также испытал на себе весьма ощущимые удары своих противников⁴⁶. Следует заметить, что, хотя большая часть чурасов не только была лояльна по отношению к центральной власти, но и активно поддерживала ее, в целом они не придерживались единой политической ориентации и время от времени находились в противостоящих друг другу партиях и лагерях. Например, в войске, которое отправил Мухаммад-хан вместе с 'Абд ар-Рахим-султаном на подавление мятежа, поднятого в Чалыше и Турфане Худабанде-султаном около 1004/1595–96 г., находились Мухаммад-Вали-бек, брат 'Али-Хайдар-бека — будущего аталаха Тимур-султана, и еще несколько чураасских беков. После того как выступление Худабанде-султана было подавлено и уже сам 'Абд ар-Рахим утвердился на востоке страны, Мухаммад-Вали-бек вместе с другими беками принял сторону 'Абд ар-Рахима и неоднократно руководил его войсками в боевых действиях против яркендских отрядов⁴⁷.

(в данном случае от противного) того, что чурасы пользовались весьма значительным влиянием при дворе наследника престола, чем, видимо, и вызвали недовольство других представителей военно-феодальной знати, является избиение, которому они подверглись с ведома и по приказу Тимур-султана в 1022/1613–14 г. В результате погибли аталах Тимур-султана Хайдар-бек и три его брата (см.: «Хроника», л. 59а; «История Кашгарии», л. 73б).

⁴⁶ Вторая известная нам попытка расправиться с чураасскими эмирами была предпринята в Аксу Искандар-султаном, сыном Худабанде-султана, который решил их переселить и отложиться от центральной власти. В результате погибли хаким Уча мирза Хашим чурас, мирза Шариф чурас и мирза Хайдар чурас (*Baix al-asrar*, л. 89а; «Хроника», лл. 60б–61а).

⁴⁷ «Хроника», лл. 58а, 60а.

Введение в изучение памятника

Далее. Во время похорон в Яркенде в 1023 / 1614–15 г. наследника престола Зийа' ад-Дина Ахмад-султана мирза Латиф чурас вместе с братом мирзой Мухаммад-Рахимом и группой недовольных эмиров бежали оттуда в Кашгар. Там они провозгласили наместником двоюродного брата правящего хана Шараф ад-Дин-султана, сына Йунус-султана. Воспользовавшись неуверенностью, царившей в Кашгаре, они захватили город и бросили в подземелье своих родовичей, представлявшихся Кашгаре ханскую власть, поскольку правитель города и области еще не был официально назначен. Этот мятеж был подавлен мирзой Манаком чурасом, с зачинщиками смуты сурово расправились — их повесили в Яркенде⁴⁸.

Еще один пример. Когда Султан-Махмуд в 1043 / 1633–34 г. отнял трон у своего старшего брата Султан-Ахмад-хана, он изгнал в Балх тех чуасских эмиров и беков, которые не поддержали его и в свое время (ок. 1040 / 1630–31 г.) высказались на «государственном совете» за то, чтобы в случае смерти ‘Абд ал-Латиф-хана передать престол Султан-Ахмаду⁴⁹, и которые с оружием в руках защищали интересы последнего против Султан-Махмуда⁵⁰.

* * *

Отец нашего автора, мирза Фазил чурас, был типичным представителем военно-кочевого служилого сословия и принадлежал к тому большинству чуассов, которые связывали свои надежды и карьеру с яркендским двором. Впервые мы встречаем его в числе приближенных Султан-Ахмад-хана в Яркенде (во время вторичного правления этого хана). По всей видимости, он не состоял в близком родстве с теми чуасскими беками⁵¹, которые выступали на стороне

⁴⁸ «Хроника», л. 59б. По сообщению Махмуда б. Вали, отряд Шараф ад-Дин-султана не дошел до Кашгара, был перехвачен на полпути и разбит (*Baxr al-asrar*, лл. 88б–89а; подробнее см. также прим. 186 к нашему переводу). Видимо, в выступлении мирзы Латифа и мирзы Мухаммад-Рахима можно усомниться попытку отомстить за гибель братьев во главе с ‘Али-Хайдар-беком, убитых в Кашгаре по приказу Тимур-султана (см. также выше, прим. 43).

⁴⁹ *Baxr al-asrar*, л. 93а–б; «Хроника», л. 66б; «История Кашгарии», л. 81а.

⁵⁰ *Baxr al-asrar*, лл. 93б–94а; «Хроника», л. 67а–б; «История Кашгарии», л. 83а. Были изгнаны мирза Курбан-бек, мирза Латиф, мирза Кара Бахадур и мирза Хашим.

⁵¹ Их отмечает наш автор: мирза Мухаммад-Вали-бек — хаким Чалыша и один из восначальников ‘Абд ал-Рахим-хана («Хроника», лл. 58а, 60а), мирза Йунус — верховный эмир (*amir ul-ulmara*), хаким Камула («Хроника», лл. 65а, 67б) и мирза Насир. *Baxr al-asrar* (л. 85б) добавляет еще мирзу Кара Бахадура — правителя Кусана (Кучи) (ср.: «Хроника», л. 58а).

Сведения об авторе

‘Абд ар-Рахим-хана и занимали при нем высокие должности. Он, весьма удачно выбрав момент в связи с выступлением ‘Абдаллах-хана, сына ‘Абд ар-Рахим-хана, вместе с многочисленной группой яркендских эмиров, в которой находились также многие чурацкие беки, оставил Султан-Ахмада и присоединился к ‘Абдаллах-хану в Аксу⁵². Этот «исход» эмиров представляется нам весьма примечательным, потому что он был совершен вскоре после того, как с помощью этих же эмиров Султан-Ахмад добился решительной победы над претендентом под Тургаем, и ему, казалось бы, ничего не угрожало. Позиция, занятая ими вслед за черногорским Ходжой Шади, подчеркивает стремительное падение власти и влияния яркендского хана.

Вскоре после прибытия в Аксу мирза Фазил в числе наиболее могущественных и знатных беков ‘Абдаллах-хана принимал участие в совете, где был положительно решен вопрос о дальнейшей борьбе с Султан-Ахмадом, несмотря на понесенное поражение⁵³. Во вновь разгоревшейся борьбе Султан-Ахмад-хан уже не смог оказать ‘Абдаллаху серьезного сопротивления, и, когда военные успехи соперника показали ему всю тщетность его попыток удержать власть, он «добровольно» сложил с себя ханское звание и бежал в Мавераннахр к Имам-Кули-хану. Последний поддержал его и предоставил в его распоряжение 70-тысячную армию, с которой Султан-Ахмад отправился возвращать утраченный престол. Однако этого ему не было суждено сделать, так как он погиб при осаде Андижана, не дойдя до границ Могольского государства, а узбекская армия вернулась обратно в Бухару.

В этот критический для ‘Абдаллах-хана период многие из его окружения заколебались и частично отложились от него, за что вскоре поплатились жизнью. Среди оставшихся верными хану был и мирза Фазил. В 1048 / 1638–39 г., после вступления ‘Абдаллах-хана на престол, он был назначен на должность *учбиги* правого крыла⁵⁴ — пост столь же важный, сколь и почетный в военной иерархии. В дальнейшем мирза Фазил активно участвовал во всех набегах,

⁵² «Хроника», л. 68а; «История Кашгарии», л. 87а.

⁵³ «Хроника», л. 68б; «История Кашгарии», л. 87б.

⁵⁴ *Учбиги* — бек, идущий во время боевых действий со своим отрядом на краю крыла. Это не противоречит другому толкованию — как старший бес крыла (см. прим. 260 к нашему переводу «Хроники»). Помимо мирзы Фазила чураса должности и назначения получили также его братья и родовиши: например, мирза Шахид стал хакимом Янги-Хисара, мирза Кучик — хакимом Уча, мирза Шахбаз-бек — хакимом Сарикола («Хроника», л. 69а).

Введение в изучение памятника

походах и экспедициях, которые ‘Абдаллах-хан предпринимал против своих соседей⁵⁵. Его военная карьера развивалась успешно, и в добавление к должности *учбиги* он получил еще должность *кушибиги*⁵⁶, а затем был назначен хакимом, т. е. военным губернатором, стратегически важного поселения Барчук⁵⁷. Когда отец Шах-Махмуда Чурсаса достиг должности старшего эмира (*мир-и калан*), у него произошел конфликт с Ходжой Шади, который, занявшись делом одного из крестьян, видимо, о чем-то просил за него⁵⁸. Судя по всему, мирза Фазил отказал в просьбе («Невежество мое возобладало», — так он пояснил сыну свой отказ⁵⁹). Мы не знаем, какова была реакция Ходжи Шади, так как в рассказе мирза больше не касался этого, видимо, неприятного для него воспоминания. Но скорее всего, ишан дал весьма основательно почувствовать высокопоставленному беку свое влияние и силу, поскольку положение мирзы резко пошатнулось⁶⁰. Признав свое бессилие, мирзе Фазилу чурасу ничего не оставалось делать, как поспешить на поклон к Ходже Шади и загладить допущенный промах, что он и сделал, подарив при этом ходже великолепного скакуна и став его мюридом⁶¹. В этом весьма характерном рассказе, переданном Шах-Махмудом Чурсасом со слов своего отца, особо интересны два момента. Во-первых, это позиция, занятая мирзой Фазилом вначале в отношении ходжей. На наш взгляд, она определенно показывает, что он примыкал к той группировке служилой знати, которая испытывала недовольство в связи с усилившимся влиянием в Яркенде клерикальной верхушки в лице черногорских ходжей. Сам мирза Фазил

⁵⁵ Он участвовал в походах на Болор, Бадахшан, Ош, Андижан (дважды) и Аксай («Хроника», лл. 70а–б, 71а–б, 72б, 72б, 73а; «История Кашгарии», лл. 91б–93б).

⁵⁶ «Хроника», л. 72а. О содержании термина *кушибиги* см.: Абдураимов, Очерки, с. 75 (там же библиография вопроса).

⁵⁷ «Хроника», л. 72б. О Барчуке см. прим. 193 к нашему переводу «Хроники».

⁵⁸ «Хроника», л. 72а; *Анис ат-талибин*, лл. 98б–99а. В последнем источнике автор со слов отца объясняет конфликт, возникший между его отцом и Ходжой Шади, навестами завистников и интриганов, согласно которым мирза Фазил объявлялся «зачинщиком смут».

⁵⁹ «Хроника», л. 72а.

⁶⁰ Сам мирза Фазил передает это следующими словами: «В этом именно и состояла причина того, почему я вместо преуспления скатился вниз» («Хроника», л. 72а). По мнению В. П. Юдина, «высокомерное третирование аристократом Мирза Фазила чорасом суфийского пира привело его к какому-то жизненному крушению, по-видимому, он был разорен» («Материалы», с. 370).

⁶¹ *Анис ат-талибин*, л. 99а. Как в «Хронике» (л. 72а–б), так и в *Анис ат-талибин* (л. 99а–б) решение мирзы Фазила связывается сическим сном, который он накануне увидел.

Сведения об авторе

не останавливается на своем личном отношении к ходжам, но его чувства достаточно полно отразил его же нукер, назвавший их грабителями⁶². Ясно, что вряд ли слуга мог бы позволить себе говорить нечто подобное, если бы он не знал настроений своего патрона. Во-вторых, мирза Фазил не сразу стал мюридом черногорского Ходжи Шади, а, как вытекает из его рассказа, был вынужден в силу обстоятельств войти в их число.

Так как наш автор более ни словом не обмолвился о своем отце, дальнейшая судьба мирзы Фазила нам неизвестна. Можно предположить, что он был отстранен от дел, после того как его брат мирза Шахид, известный также под прозванием Джалиба, был изгнан ‘Абдаллах-ханом в Индию в связи с неудачной попыткой группы эмиров и беков убедить хана оставить трон своему сыну Йулбарсу, а самому совершить хадж в Мекку и Медину⁶³.

Сведения, которыми мы располагаем об авторе сочинения, Шах-Махмуде б. мирзе Фазиле Чурасе, чрезвычайно скучны и фрагментарны. Достаточно сказать, что нам не известны ни дата его рождения, ни дата смерти, и мы можем, опираясь на его собственные труды и сочинение биографа его политических противников — белогорских ходжей Мир Хал ад-Дина ал-Катиба Йарканди *Хидайат-наме*⁶⁴, лишь весьма приближенно, с точностью до пяти-десяти лет, установить тот период времени, когда он жил, творил и действовал. Вместе с тем, прожив несомненно долгую (70–80 лет) и весьма бурную жизнь, он был не только свидетелем, но и активным участником многих военно-политических конфликтов и столкновений, и на его глазах на яркендском троне сменилось девять ханов (от ‘Абд ал-Латиф-хана до Акбаш-хана). В самом конце своего жизненного пути он увидел, как под напором джунгарских завоевателей фактически рухнула династия Чагатаидов в Могольском государстве, подточенная ханскими междуусобицами и интригами двух партий ходжей.

⁶² «Хроника», л. 72а.

⁶³ Там же, л. 73б.

⁶⁴ Сочинение было написано в Яркенде в 1143/1730–31 г. и посвящено белогорскому ходжу Хидайаталлаху (Ходже Афаку). Мир Хал ад-Дин относит мирзу Гази-бека и его брата мирзу Шах-Махмуда Чураса к числу убежденных противников Ходжи Афака. В этой связи сведения, которые он сообщает о своих политических противниках, несут объективную достоверную информацию тогда, когда он говорит об их положении, занимаемой должности, происхождении. О сочинении см.: Миклухо-Маклай, Описание, вып. 2, № 196; Салахетдинова, Сообщения в «Хидайат-наме» о киргизах, с. 133–140. Еще об одном списке см. «Материалы», с. 371 (рук. ИВАН УзССР № 1682), а также Meredith-Owens, Handlist, с. 21.

Введение в изучение памятника

Шах-Махмуд родился в 20-х гг. XVII в.⁶⁵, в самом конце правления ‘Абд ал-Латиф-хана (ум. ок. 1040/1630–31 г.). В семье он, видимо, был младшим сыном⁶⁶, а старшим был мирза Гази-бек, упомянутый им в «Хронике» как эмир из окружения ‘Абдаллах-хана, разбивший по приказу хана войска кашгарских сторонников Йулбарс-хана в конце 1076/ мае-июне 1666 г.⁶⁷. Шах-Махмуд был выходцем из влиятельного военно-феодального рода, десятки представителей которого из поколения в поколение избирали себе только военную карьеру, к которой они готовились съзмальства и которая приносила им чины и должности. Поэтому было бы вполне естественно видеть его следующим этой традиции вслед за отцом и братом. Однако этого не произошло, и его жизнь и политическая карьера сложились по-иному. Мы не знаем, было ли это связано с тем, что он от рождения имел какой-либо физический недостаток или же получилувечье в детстве, которое помешало ему стать военным. Хотя равным образом можно предположить и то, что отец готовил его к карьере административного чиновника⁶⁸, как и то, что он сам оставил военное поприще. Трудно сказать, какое образование получил Шах-Махмуд, сам он об этом не говорит, а косвенных указаний, которые мы находим в двух его сочинениях и труде Мир Хал ад-Дина, далеко не достаточно, чтобы вынести в этой связи более или менее законченное суждение. Дело в том, что о его знаниях и эрудиции мы можем судить исклю-

⁶⁵ В *Анис ат-талибин* (л. 98а–б) наш автор пишет: «Я, низайший и стариинный раб его святости ишана (Ходжи Шади), поясняю слова его, так как он был несколько слаб в персидском языке». Известно, что Ходжа Шади умер около 1055/1645–46 г., и, чтобы наш автор мог объяснить его слова слушающим, сму должно было быть не менее 15–20 лет.

⁶⁶ Мир Хал ад-Дин в своем перечне сначала называет его брата, Гази-бека, что дает нам основание видеть в нем старшего брата.

⁶⁷ «Хроника», лл. 79б–80а.

⁶⁸ Данное предположение как будто бы противоречит словам Мир Хал ад-Дина, который вспоминает Шах-Махмуда, как и его брата, одним «из эмиров [своего] времени из числа яаркандских эмиров» (*Худайат-наме*, л. 57а). Вместе с тем нам представляется маловероятным, чтобы в эпоху общего культурного застоя, царившего в Могольском государстве, могли появиться не просто образованные представители военного сословия (факт сам по себе исключительный), а эмиры-грамотеи, авторы исторических сочинений, знакомые с произведениями персидской классической литературы. Для сравнения укажем, что уже такие факты, как то, что влиятельные беки читали наизусть *Шах-наме* Фирдоуси или *Хамсе* Низами, были столь редки и необычны, что местные авторы (в том числе сам Шах-Махмуд) неизменно их отмечали (ср.: «Хроника», л. 75а; «История Кашгарии», л. 94а). Впрочем, мы не исключаем и той возможности, что он либо получил свой титул по наследству от отца, либо, оставив воинскую службу, занялся литературной деятельностью, поскольку свои труды он написал, будучи уже в зрелом (за сорок лет) возрасте.

Сведения об авторе

чительно по его трудам, составленным им уже в зрелом («Хроника») и преклонном (*Анис ат-талибин*) возрасте, так что нам трудно с достаточной определенностью сказать: обязан ли он был своими знаниями обучению в медрессе⁶⁹ либо исключительно самообразованию и любознательности. Несомненно, он окончил школу, где получил знание арабского и персидского (таджикского) языков, там же он проштудировал Коран и не менее двух основных суннитских комментариев к нему. Кроме того, он обладал общими представлениями о схоластической системе стихосложения (*'аруз*) и более детально был знаком с принципами составления хронограмм (*та'рих*), логографов (*му'амма*) и методами их разгадывания⁷⁰.

Значительный интерес вызывает сравнительно широкий круг источников, которые Шах-Махмуд привлек при составлении своих трудов, весьма свободно при этом обращаясь с извлеченным из них материалом, чередуя буквальные заимствования с сокращениями, цитаты — с самостоятельной обработкой. Среди использованных им трудов⁷¹ мы находим *Нафахат ал-унс*, *Шавахид ан-набувват* и *Бахаристан* 'Абд ар-Рахмана Джами (817–898/1414–1492), *Тазкират аш-шу'ара* Даулатшаха Самарканди (ум. в 900/1494–95 г.), *Раузат ас-сафа* Мирхонда (837–903/1433–1498), *Раузат ал-ахбаб* Джамала Хусайнини (ум. ок. 929/1523 г.), *Рашахат 'айн ал-хайат* Ва'иза Кашифи (ум. в 939/1532–33 г.), *Хуласат ал-ахбар* и *Хабиб ас-сийар* Гийас ад-Дина Хондемира (ок. 880–942/1475–1536), *Тарих-и Рашиди* мирзы Мухаммад-Хайдара Дуглата (905–958/1499–1551) и некоторые агиографические труды⁷², посвященные Ахмаду Ходжаги-и

⁶⁹ Известно, что медресе функционировали в ряде центров Восточного Туркестана. Славился ими Кашгар, считавшийся форпостом мусульманского богословия и схоластической учености, где еще во второй половине XIII в. было выстроено медресе *Мас'удийис*, по имени основателя *Мас'уд-бека*, умершего в 1289 г. (см.: Бартольд, Двенадцать лекций, с. 147; его же, Кашгар, с. 457). В Яркенде медресе появились позднее, начиная с XV в.; на одну из медресе постройки Мухаммад-хана (1000–1018/1591–1609) указывает наш автор в «Хронике» (л. 62б). Самая ранняя из функционировавших в 1874 г. 29 медресе Яркенда была основана в 903/1497–98 г. (см. *Тазкире-йи хаджасаган*, пер. Шоу, Appendix C, с. 64).

⁷⁰ «Хроника», лл. 16–2а; *Анис ат-талибин*, лл. 94а, 106а.

⁷¹ Сам Шах-Махмуд в числе использованных источников указал на *Тарих-и Рашиди* Мухаммад-Хайдара Дуглата, *Шавахид ан-набувват* Джами, *Хуласат ал-ахбар* Хондемира, *Раузат ас-сафа* Мирхонда и на два агиографических труда, посвященных Ахмаду Касани — отцу ходжи Исхака («Хроника», лл. 14б, 46б; *Анис ат-талибин*, лл. 40б, 44а, 87а–б, 88а).

⁷² Хотя автор, касаясь биографии Ахмада Касани, называет в числе своих источников сочинения иских муллы Касима Катиба и Хафиза Ибрахима, скорее всего в этом случае он пользовался трудом ‘Убайдаллаха Накшбанди-и Самарканди *Сирадж*

Введение в изучение памятника

Касани (ум. в 949/1542–43 г.). Помимо чисто личностной характеристики автора, позволяющей нам судить о степени его образованности, этот перечень примечателен самим своим составом — все сочинения, перечисленные в нем (за исключением *Тарих-и Рашиди*), либо относятся к гератскому литературному кругу эпохи Алишера Навои (844–906/1441–1501), либо написаны в Мавераннахре в XVI в. С другой стороны, нам не удалось обнаружить у Шах-Махмуда Чураса каких-либо ссылок, указаний или намеков на труды, составленные в Могольском государстве и использованные им, что дало бы нам основание судить более определенно о местной литературной традиции и, следовательно, о предшественниках автора⁷³. Во всяком случае, этот штрих говорит о том, что при жизни нашего автора произведения персидско-таджикской классической литературы были достаточно широко распространены среди образованных представителей правящей верхушки Могольского государства. Несомненно также, что в ту эпоху понятие образованности и учености предполагало как само собой разумеющееся знание наиболее известных произведений этой литературы. Вместе с тем сомнительно, чтобы она имела сколько-нибудь значительное распространение среди народных масс, для которых язык этой литературы был чужд и неопытен и связан с пришлыми завоевателями.

Родным языком Шах-Махмуда Чураса был один из тюркских диалектов, на котором говорили в районе Кашгара и Яркенда как кочевники, так и оседлые поселенцы⁷⁴. Таджикский язык не был его

ас-саликин ва лата'иф ал-'арифин, поскольку его ссылки на указанных выше авторов почти текстуально совпадают с такими же ссылками у 'Убайдаллаха Самарканди. Ср.: Семенов, Уникальный памятник, ч. I, с. 52–53, 58, и Анис ат-талибин, л. 87а–б.

⁷³ Думается, что замечание В. В. Бартольда о том, что «население Восточного Туркестана, по-видимому, никогда не отличалось литературной производительностью», не может вызывать возражений, если речь идет о периоде до начала XVIII в. В этой связи критика, которую вызывало у В. П. Юдина приведенное замечание В. В. Бартольда, вряд ли, по нашему мнению, обоснованна для раннего периода (например, XV–XVII вв.), поскольку она не подкрепляется наличием значительного числа произведений (исторических, поэтических и т. п.), но эта критика несомненно обоснована для более позднего времени (с начала XVIII в.), на что также указал В. П. Юдин (см.: Бартольд, Рец. на Илайсса, с. 63–73; Юдин, Рец. на Мухлисова, с. 197–206).

⁷⁴ Ср. замечание В. В. Бартольда: «Потомки Ахмад-хана во всяком случае были по языку турками... По языку в Кашгарии, по-видимому, давно уже не было разницы между кочевниками и оседлыми поселенцами» (Двенадцать лекций, с. 170). По мнению В. П. Юдина, тюркоязычность монголов представляет собой «древнее явление», причем «они говорили на тюркском языке кыпчакского типа, близком к казахскому и киргизскому языкам» (О родоплеменном составе, с. 57–59).

Сведения об авторе

родным, а по мнению В. В. Бартольда, даже привычным языком⁷⁵. Вместе с тем оба дошедших до нас его труда написаны разговорным, сравнительно близким к литературному, таджикским языком, которым он, видимо, достаточно прочно овладел еще в детстве. Последнее обстоятельство не однажды служило для него предметом гордости, когда он, находясь при черногорском Ходже Шади, пояснял его слова, так как последний «был несколько слаб в персидском языке»⁷⁶. Каким путем он овладел этим языком — выучил ли он его в школе или этот язык был принят в его семье, нам, к сожалению, неизвестно.

Даже беглое знакомство с сочинениями Шах-Махмуда показывает, что он не прошел той формальной литературной школы с ее установившимися канонами для каждого жанра, с ее незыблемой композицией сочинения, приемами и стилем написания, что прежде всего отличала персидско-таджикскую придворную историографическую традицию. Сочинения Шах-Махмуда написаны весьма простым языком, в них нет головокружительных сравнений и метафор, отсутствует высокопарная витиеватость, они лишены традиционно вычурных оборотов. Сказанное не означает, что наш автор не пытался подражать стилю исторических трудов классической литературы. Однако это подражание, выражившееся в попытках большего использования арабизмов, архаичных и излишне витиеватых выражений, выпадает из общей языковой ткани сочинения, выглядит весьма искусственно и лишний раз указывает на отсутствие у Шах-Махмуда Чураса историографической школы и недостаточное знание им персидско-таджикской литературной традиции⁷⁷.

⁷⁵ В. В. Бартольд дважды весьма сурово отозвался о языке, каким была написана «Хроника», назвав его очень плохим персидским (Чагатайская литература, с. 610) и «...причем с такими синтаксическими ошибками, которые ясно показывают, что этот язык не был для автора ни родным, ни привычным» (Двенадцать лекций, с. 113). Если подходить к языку этого сочинения с позиций классического литературного языка, то заключение В. В. Бартольда не может вызвать каких-либо возражений. Вместе с тем следует учитывать, характеризуя язык «Хроники», что она в той части, которая имеет характер первоисточника (в равной степени это относится также к *Анис ат-талибин*), написана разговорным, правда близким к литературному, языком, в котором, как известно, обычны и допустимы отклонения от норм письменного литературного языка. Кроме того, определенная диффузность синтаксиса, наблюдаемая в разговорном языке, была бы, естественно, невозможна в литературном в силу строго закрепленного порядка слов в предложении. Впрочем, в этом отношении мы не исключаем возможного влияния строя родного языка автора на тот язык, на котором он написал свой труд.

⁷⁶ *Анис ат-талибин*, л. 98а–б.

⁷⁷ Ср., например: «Хроника», лл. 16–2а, 3а–б; *Анис ат-талибин* лл. 16–6а.

Введение в изучение памятника

Насколько можно судить по сочинениям нашего автора, он, причисляя себя к ревностным последователям черногорских ходжей, видимо, не имел четких представлений не только об основах философской доктрины суфизма, но также и об отдельных положениях теории и практики ордена *накибандие*, взгляды которого с некоторыми модификациями разделяли и ходжи. Очевидно, Мир Халад-Дин был прав, когда отмечал, что «он [Шах-Махмуд] никогда не питал склонности к суфийским писаниям»⁷⁸. Но вместе с тем он достаточно глубоко разбирался в вопросах суфийской генеалогии и агиографии, причем в основном в отношении конгрегации *накибандие* и ответвления *ходжаган*⁷⁹. Тем не менее при дворе и в среде, окружавшей ходжу Мухаммад-‘Абдаллаха, он благодаря своим знаниям снискал авторитет ученого⁸⁰ и пользовался репутацией человека, осведомленного в богословии и светских науках. Надо полагать, что эта его известность как грамотея и ученого была достаточно широко распространена, поскольку Мир Халад-Дин не мог обойти молчанием этот факт. Он заметил: «Мирза Шах-Махмуд был летописцем и знатоком исторических хроник. Он сочинил две-три книги по истории, посвятив их государям Йарканда ‘Абдаллах-хану, Исма‘ил-хану, ‘Абд ар-Рашид-хану и Мухаммад-Амин-хану»⁸¹.

⁷⁸ *Хидаиат-наме*, л. 57а.

⁷⁹ «Хроника», л. 2а-б; *Анис ат-талибин*, лл. 56а–103а.

⁸⁰ Ученым (‘алим) называет себя сам Шах-Махмуд, вкладывая это слово в речь мирзы Газанфара: «Шах-Махмуд-бек — ученый» (*Анис ат-талибин*, л. 1056). Как мы увидим, эта автохарактеристика не расходится и с мнением политического противника.

⁸¹ *Хидаиат-наме*, л. 57а:

میرزا شاه محمود تاریخ دان و تاریخ خوان

بود دو سه مجلس تاریخ بنام پادشاهان یارکند عبدالله خان و اساعیل

خان و عبد الرشید خان و محمد امین خان تصنیف کرده بود

В. П. Юдин («Материалы», с. 371) перевел этот пассаж несколько по-другому: «Мирза Шах Махмуд был знатоком и чтецом исторических хроник. Он [организовал] два-три маджлиса и сочинил хроники, [посвященные] имамам государей Йарканда ‘Абдаллах-хану, Исма‘ил-хану, ‘Абд ар-Рашид-хану и Мухаммад-Амин-хану».

Предложенный В. П. Юдиным перевод содержит, на наш взгляд, ряд неточностей, которые обусловили его ошибочный вывод о числе сочинений, написанных Шах-Махмудом: 1) *тарихдан* ‘тот, кто составляет хроники’, ‘летописец’, а не просто ‘знаток исторических хроник’; 2) *тариххан* ‘знаток хроник’ и терминологически — ‘составитель хронограмм’, а не ‘чтец хроник’; 3) *ду-се маджлис-и тарих* следует понимать как *ду-се китаб-и тарих*, отсюда и перевод: «сочинил две-три книги по истории». Следует учитывать, что Мир Халад-Дин понимал слово *маджлис* ‘собрание’, ‘заседание людей’ в смысле ‘собрание историй’, ‘документов’ и т. п. Подобные контаминации нередки в его труде; 4) *ба-нам-и падшахан-и...* было бы правильнее перевести просто ‘посвятив государям’ либо, учитывая специфику языка Мир Халад-Дина, — ‘отметив (упомянув) государей’.

Сведения об авторе

Из слов Мир Хал ад-Дина явствует, что ему не было точно известно число сочинений, составленных Шах-Махмудом, хотя он знал, что таковые имелись, поэтому-то и ограничился неопределенным «две-три книги»⁸². В настоящее время нам известны два труда⁸³ Шах-Махмуда, написанные на таджикском языке — один исторический, а другой — агиографический, каждый из них дошел до нас в одном списке⁸⁴. Первый труд отделен от второго промежутком в 20–25 лет.

1. Историческое сочинение — династийная хроника правителей Могольского государства, задуманная вначале автором как продолжение *Tарих-и Рашиди* миры Мухаммад-Хайдара Дуглата, доведенная до дней автора. Благодаря первому автору, введшему ее в научный обиход⁸⁵, за ней утвердилось название *Tарих-и мириза Шах-Махмуд Чурас*, или короче — *Tарих-и Шах-Махмуд Чурас*⁸⁶. Однако она не имеет авторского названия, и мы условно назвали ее «Хроникой». Сочинение было написано между 1083–1087/1672–1676 гг. по заказу временщика Эрка-бека с целью прославления Исма’илхана⁸⁷.

2. Агиографический труд *Анис ат-талибин* был составлен Шах-Махмудом после смерти Мухаммад-Му’мин-хана, сына Султан-Са‘ид-Баба-хана, известного как Акбаш-хан, и после того, как ходжа

⁸² В. П. Юдин, основываясь на своем переводе фрагмента из труда Мир Хал ад-Дина предполагает, что «перу Шах Махмуд чораса принадлежит, вероятно, не менее пяти сочинений, если сообщение Мир Хал ад-Дин-катиба Йарканди понимать так, что он посвятил каждому из названных ханов особую хронику» («Материалы», с. 372).

⁸³ Если на л. За «Хроники» две фразы: «Предки почтаемого государя были упомянуты. Кратко и подробно их имена не остались в небрежении», переданные в прошедшем времени, не являются ошибкой переписчика, то тогда они, возможно, содержат указание на какой-то более ранний труд Шах-Махмуда, и, следовательно, в этом случае «Хроника» не будет его пробой пера.

⁸⁴ В 1916 г. были известны два списка «Хроники», и оба на таджикском языке. Один находился в Ташкенте в частном собрании Баки-Джан-бая, второй — в селении Каракаш (около Хотана) в библиотеке ‘Айса (=‘Иса) Кази (см. выше, Предисловие, с. 18).

⁸⁵ ЗВОРАО, т. XXII, с. 313–319 (на с. 313–318 приведен список 112 разделов сочинения в персидской графике, к сожалению, с пропусками и ошибками); ПТКЛА, XX, с. 68, прим. 3.

⁸⁶ См.: Семенов, Указатель, стр. 31; Стори, Персидская литература, II, с. 1206–1207; Петров, К истории, с. 183; он же, Очерки, с. 52: ошибочно *Tарих-и Шах*, и сл.; Юдин, Рецензия, с. 83; он же, О родоплеменном составе, с. 53, в которых принято одно из двух указанных названий. Ср. также «Материалы», с. 4–5, 369, где *Tарих-и Шах Махмуд бен мириза Фазил чорас*. Библиографию вопроса см. выше, Предисловие, с. 17–20.

⁸⁷ Подробнее о сочинении, его содержании, источниках и т. п. см. ниже: разделы «Сведения о сочинении» и «“Хроника” как источник».

Введение в изучение памятника

Данийал-ходжам, правнук ходжи Мухаммад-Исхака Вали, прибыл в Яркенд по приглашению местного хакима миরзы ‘Алам-шах-бека⁸⁸. Автор не приводит даты завершения сочинения, но исходя из его

⁸⁸ Известно, что Ходжа Афак умер в Яркенде в четверг в начале месяца раджаба 1105/1 или 8 марта 1694 г. (*Хидайат-наме*; л. 216б, называя эту же дату, уточняет: «в конце года Леопарда»; *Тазкире-ийи хидайат*, л. 9а, указывает середину года Леопарда). Спустя восемь месяцев его сын Мухаммад-Йахха был убит калмаками («История Кашгарии», л. 102б; *Бартольд*, Отчет, с. 189, где со ссылкой на *Тазкире-ийи хаджаган* отмечены причины, вызвавшие его гибель), однако автор *Тазкире-ийи хидайат* (л. 28а) сообщает, что он умер в том же, 1105/1694 г., через шесть месяцев после смерти отца в конце года Леопарда. Как видим, расхождение между местными источниками относительно времени смерти старшего сына Ходжи Афака невелико — между самым концом 1105 и первым кварталом 1106/концом августа — серединой ноября 1694 г. Акбаш-хан был третьим сыном Султан-Са‘ид-Баба-хана. Вскоре после того как правивший в Яркенде Мухаммад-Йахха был схвачен и убит калмаками, Акбаш-хан, прибыв из Турфана, утвердился с помощью яркендских и турфанских беков в Яркенде, где был провозглашен ханом («История Кашгарии», л. 102б), и подчинил своей власти Кашгар (*Хидайат-наме*, л. 193б). Мир Хал ад-Дин (*Хидайат-наме*, л. 194б) замечает, что Акбаш-хан назначил правителем Кашгара своего сына. Автор *Тазкире-ийи хаджаган* (с. 40) отмечает, что ханом Кашгара был объявлен ходжа Ахмад — сын Мухаммад-Йаххий, однако в переводе Шоу (39) этого же источника, видимо по недоразумению, ханом назван Султан Ахмади, сын (!) Акбаш-хана. Вместе с тем «История Кашгарии» (л. 103а) сообщает без уточнений, что ханом Кашгара был посажен некий Султан-Ахмад, атальком которого стал Арзу-Мухаммад-бек.

Изгнав бслогорских ходжей в Индию, Акбаш-хан схватил многих их кашгарских приверженцев и отправил в Яркенд, с тем чтобы затем выслать в Хотан (*Хидайат-наме*, лл. 105а, 194а). Однако в Кашгаре местный хаким Арзу-Мухаммад-бек говорился с киргизами и недовольными беками и, схватив сына хана (*Хидайат-наме*, л. 194б), перебил ставленников последнего. Акбаш-хан под давлением турфанских беков и хакима Яркенда миризы ‘Алам-Шах-бека двинулся с войском на Кашгар, но киргизы его опередили, выступив на Яркенде. В сражении под Янги-Хисаром они разбили его войско, а самого хана пленили и убили (*Хидайат-наме*, лл. 105б, 194б). Анонимная «История Кашгарии» (л. 103а; *Бартольд*, Отчет, с. 190) сообщает только, что хана взяли в плен. Шах-Махмуд Чурас также говорит в *Анис ат-талибин* (л. 106б), что хан был убит киргизами, усматривая, правда, в этом наказание за то, что он не пригласил ходжу Данийала в Яркенд в ответ на письменное согласие последнего присехать. По мнению же Мухаммад-Садика Кашгари, Акбаш-хан бежал в Индию сразу же после получения известия о мятеже кашгарцев, написав предварительно письмо в Ходжент ходже Данийалу с приглашением прибыть в Яркенд (*Тазкире-ийи хаджаган*, с. 40; пер. Шоу, 40; также *Валиханов*, О состоянии, с. 303;ср.: *Думан*, Аграрная политика, с. 76, где иная хронология событий).

После взятия Яркенда киргизы провозгласили в нем ханом кашгарского Султана-Ахмада («История Кашгарии», л. 103а–б; *Бартольд*, Отчет, с. 190). Однако мириза ‘Алам-Шах-бек заручился поддержкой калмаков и с их помощью сумел освободить Яркенд и восстановить статус-кво. Вскоре после этих событий в Яркенд прибыл ходжа Данийал-ходжам, сын Мухаммад-‘Абдаллаха и внук Ходжи Шади, к которому перешла светская власть в городе и округе (*Анис ат-талибин*, л. 107а и сл.; «История Кашгарии», л. 103а–б,

содержания можно сказать, что оно было составлено около 1107/1696 г.⁸⁹. Единственный известный список *Анис ат-талибин* хранится в Бодлеянской библиотеке (Оксфорд), куда он поступил в 1880 г. в составе коллекции английского генерала Янгхасбанда⁹⁰. Для истории Могольского государства наибольший интерес представляют заключительные разделы сочинения (часть 3-й главы и 4-я глава из второго раздела и заключение), в которых на фоне биографий ходжи Исхака, Ходжи Шади, Ходжам-Падшаха и ходжи Данийал-ходжама рассказывается о событиях, потрясавших государство со времени правления 'Абд ал-Карим-хана (1560–1591) до появления в Яркенде ходжи Данийал-ходжама (лл. 886–1086). Конечно, трудно ждать от автора — убежденного приверженца черногорских ходжей абсолютно объективной информации в труде, который был написан с целью прославления и апологии ходжей и в котором исторический процесс рассматривается через призму их деяний. Приемы, с помощью которых Шах-Махмуд подводил читателя к мысли о том, что ходжи с полным основанием являются светскими владыками в Яркенде, не блещут оригинальностью, они

где ходжа не назван по имени) и которому с успехом удалось отразить все попытки кашгарцев, поддержаных киргизами, взять Яркенд.

⁸⁹ Абсолютно ясно, что *Анис ат-талибин*, посвященное черногорскому ходже Данийалу, было завершено в период между началом 1106–1125/сентябрь–ноябрь 1694–1713 гг., поскольку в *Анис ат-талибин* имя ходжи сопровождается благопожелательной формулой *дамма даулатаху* ‘да продлится его могущество’ (лл. 4а, 106б — дважды). Естественно, Данийал не мог объявиться в Яркенде во время правления там белогорских ходжей Афака и Мухаммад-Йахии, не рискуя заплатить жизнью за этот шаг. Судя же по сообщениям современников и очевидцев, он утвердился в Яркенде лишь после гибели Акбаш-хана, которой завершилось сравнительно непродолжительное правление этого хана (*Худайят-наме*, лл. 105б, 194б; *Анис ат-талибин*, л. 106б; «История Кашгари», л. 103а). С другой стороны, этот труд не мог быть составлен после 1125/1713 г., когда ходжа Данийал был вместе с белогорским ходжой Ахмадом схвачен калмаками и увезен ими в Или, где пробыл в качестве почетного пленника около семи лет (*Тажкире-йи х'аджасан*, с. 44; пер. Шоу, 41, там же, прим. 25 Н. Илайеса). Таким образом, мы полагаем, что *Анис ат-талибин* было написано в первые месяцы после прибытия ходжи Данийала в Яркенд и после успешной обороны города, т. с. около 1107/1696 г. (ср. лл. 106б–1086). Замечание Х. Беверидж (*The Khojas*, с. 45) о том, что этот труд Шах-Махмуд Чураса написан ‘около 1049/1638–39 г.’, ошибочно и основано на каком-то недоразумении. Действительно, эта дата встречается в сочинении (л. 106а), но как дата рождения ходжи Мухаммад-'Абдаллаха, отца ходжи Данийала; там же отмечено, что он умер сорока семи лет от роду. В. П. Юдин разделяет мнение Х. Беверидж (*«Материалы»*, с. 372).

⁹⁰ Весьма подробное описание см. Beeston, Catalogue, № 2494 (по мнению составителя, сочинение написано в период между 1105–1125/1693–1713 гг.). Первая заметка — Beveridge, *The Khojas*, с. 45.

Введение в изучение памятника

скорее наивны, чем глубоки по замыслу, и, видимо, были рассчитаны не на очень искушенного читателя⁹¹. Но вместе с тем, несмотря на субъективную окраску в интерпретации событий, происходивших в Могольском государстве, Шах-Махмуд Чурас сообщает нам, выступая в роли очевидца и участника описываемых событий, такие сведения, точность и объективный характер которых не вызывают сомнений, поскольку они подтверждаются сочинениями, составленными его политическими противниками. Много позднее этот труд был переведен в Яркенде на староуйгурский язык с элементами кашгарского диалекта неким Абу Мансуром и получил несколько измененное название — *Рафик ат-талибин*⁹². Следует заметить, что некоторые пассажи, а также рассказы, связанные с деятельностью ходжи Исхака Вали и его взаимоотношениями с Мухаммад-ханом, Шах-Махмуд Чурас почти без изменений перенес из «Хроники» в свой агиографический труд⁹³.

По своим религиозным убеждениям Шах-Махмуд Чурас был весьма набожным мусульманином суннитского толка. Вместе с тем, рассматривая его сравнительно сдержаные замечания в «Хронике» и анализируя с этой точки зрения *Анис ат-талибин*, можно прийти к выводу, что он принадлежал к суннитам умеренного направления, его взгляды не отличались крайностью и ригоризмом. В его воззрениях соседствовали несомненно ортодоксальные суннитские догматы с идеями и взглядами, которые отдаленно напоминали умеренно шиитские. Например, как большинство суннитов, он считал ‘Али незаурядным человеком, который был щедро наделен разнообразными достоинствами и глубокими знаниями, героям ислама, одним из четырех «законных и праведных» халифов, но в то же самое время он называет его первым шиитским имамом, правда не раскрывая того, что он под этим понимает, оставаясь на ортодоксальных, суннитских позициях в своем взгляде на историю халифата. Далее, хотя он и величает потомков ‘Али от Хасана б. ‘Али до ‘Али-Ризы б. Мусы Казима имамами, «из числа 12 шиитских имамов», но содержание, которое он вкладывает в дальнейшем в этот

⁹¹ Прежде всего мы имеем в виду многочисленные рассказы о действительных и мнимых «чудесах» (*карамат*) черногорских ходжей. К первым мы относим тайные убийства политических противников. Вторые же были порождены фантазией их приверженцев и последователей, вполне вероятно — с ведома и при поощрении самих ходжей.

⁹² О списке этого перевода, хранящемся в ИВАН СССР, см.: Мугинов, Описаний, № 340, где автором ошибочно назван Шах-Махмуд Хуррас; также «Материалы», с. 369, 378.

⁹³ Ср.: «Хроника», лл. 496–506, 546–55a; *Анис ат-талибин*, лл. 886–96a.

термин, показывает, что оно не совпадало по смыслу с его пониманием шиитами-двунаадесятниками. Для него имамы были святыми чудотворцами, посредниками между богом и простыми смертными, духовное могущество которых проявлялось через творимые ими «чудеса» (*карамат*)⁹⁴. Иными словами, он относит указанных имамов к рангу мусульманских святых, следуя в этом отношении традиции суннитского ордена *накшбандине*. Такая позиция нашего автора не должна вызывать удивления, ибо он не говорит ни отайном пророческом знании, по утверждению шиитов открытом Мухаммадом одному ‘Али, как, впрочем, и ни о том, что пророк сделал ‘Али своим преемником в духовном и политическом руководстве общиной (*васи*). Шах-Махмуд Чурас просто говорит о духовной родословной, божественной благодати, которая нисходит на каждого муршида — руководителя ордена и благодаря которой тот получает возможность творить *ка-рамат*, становясь тем самым «святым».

Только с таких позиций могли возводить свою духовную родословную суннитские руководители ответвлений *накшбандине* — черногорские ходжи — к шиитским имамам, а через них — к ‘Али б. Аби Талибу. Вполне вероятно также, что известную роль в установлении подобной преемственности сыграла обычная для суфийско-дервишеских конгрегаций веротерпимость и почти безразличное отношение к форме религии. И хотя впоследствии позиция ордена *накшбандийе* по вопросу о веротерпимости кардинально изменилась, тем не менее этот аспект не был подвергнут ревизии.

Своих политических симпатий Шах-Махмуд Чурас не скрывал — он был убежденным и ревностным сторонником черногорских ходжей, с которыми был связан всю свою сознательную жизнь. И не случайно его историческое сочинение — «Хронику» вопреки твердо установившейся традиции в мусульманской историографии открывает генеалогия духовного патрона — ходжи Мухаммад-‘Абдаллаха и лишь после нее идет родословная представителя правящего дома Исма‘ил-хана. Этот весьма примечательный факт можно толковать с разных позиций, однако мы склоняемся к тому, что Шах-Махмуд уже в то время видел в ходжах силу более реальную и могущественную, чем ханская власть.

Уже в юности наш автор состоял при Ходже Шади и благодаря лучшему, чем у наставника, знанию разговорного таджикского языка

⁹⁴ *Anis at-talibin*, лл. 39б–56а; «Хроника», л. 2а–б. Ср.: Гольдциер, Культ святых, с. 21–102; Петрушевский, Ислам, с. 234–237.

Введение в изучение памятника

пояснял мюридам то, что хотел сказать муршид⁹⁵. Впоследствии он вошел в окружение сына последнего — Мухаммад-‘Абдаллаха, известного также под именем Ходжам-Падшаха, которого он пережил, хотя был лет на десять старше своего патрона (ходжа родился в 1049/1639–40 г.). Когда до него дошла весть о том, что Ходжам-Падшах в 1096/1684–85 г. умер в Индии, он написал на его смерть хронограмму и траурную касыду-элегию⁹⁶. По-видимому, он пользовался расположением и доверием Ходжам-Падшаха, поскольку мы встречаем его в составе свиты ходжи всякий раз, когда последний принимал участие в каком-либо из походов ‘Абдаллах-хана⁹⁷. Наше предположение о его близости к ходже подтверждается также следующим фактом: вскоре после того как в 1078/1668 г. ‘Абдаллах-хан отказался от престола и покинул пределы государства, Шах-Махмуд сопровождал Ходжам-Падшаха в Аксу, где находился Исма‘ил-хан и куда ходжа бежал из Яркенда от Йулбарс-хана и белогорского Ходжи Афака⁹⁸.

Будучи приверженцем черногорских ходжей, Шах-Махмуд, естественно, не мог стоять в стороне от их политической борьбы с белогорскими ходжами — линией Ходжи Калана, участвуя в ней и своими трудами. Если в «Хронике» господствует аргумент от умолчания, молчаливое неприятие и отрицание, так как на протяжении всего труда он ни разу не упомянул ни одного из представителей белогорцев, совершенно игнорируя значительное влияние, которое они оказывали на многие стороны жизни Могольского государства, то в *Анис ат-талибин* его политические интересы явно берут верх, и он резко нападает на белогорских ходжей, обвиняя их в интригах и закулисной игре⁹⁹.

⁹⁵ *Анис ат-талибин*, л. 98а–б.

⁹⁶ Там же, л. 106а.

⁹⁷ «Хроника», л. 76а–б; *Анис ат-талибин*, лл. 104б–105а.

⁹⁸ *Анис ат-талибин*, л. 105а.

⁹⁹ Например, в рассказе о Сайид-Мухаммад-халифе (*Анис ат-талибин*, л. 101б) он называет отца Ходжи Афака — ходжу Мухаммад-Йусуфа вором, вкладывая, правда, эти слова в уста Сайид-Мухаммада. Дело в том, что вскоре после смерти Ходжи Шади в Яркенде из Кашига прибыл ходжа Мухаммад-Йусуф, который, несомненно, решил воспользоваться благоприятно сложившейся обстановкой и склонить ‘Абдаллах-хана на сторону белогорских ходжей, поскольку сыновья Ходжи Шади были еще малолетними, а сам хан в свое время заигрывал с белогорцами. Однако, столкнувшись с решительным протестом Сайид-Мухаммад-халифы и прочих сторонников черногорцев, ‘Абдаллах-хан не решился принять сторону Мухаммад-Йусуфа, и тот, ничего не добившись, уехал в Кашигар, где вскоре и умер. Как нам представляется, этот рассказ мог бы стоить его автору жизни, если бы *Анис ат-талибин* было написано во время господства белогорских ходжей в Яркенде, т. е. до 1106/1694 г.

Сведения об авторе

Шах-Махмуд сохранил верность своим убеждениям и не изменил черногорским ходжам и после того, как Исма‘ил-хан был разбит и свергнут с престола калмаками, посадившими на трон Яркенда Ходжу Афака¹⁰⁰, а ходжа Мухаммад-‘Абдаллах был вынужден бежать в Индию, опасаясь за свою жизнь. Наш автор не последовал за своим патроном и остался в Яркенде, где вместе со своим старшим братом Гази-беком, судя по словам Мир Хал ад-Дина, активно выступал против белогорских ходжей¹⁰¹. В этой связи неожиданный вывод, к которому пришел В. П. Юдин, что «его (Шах-Махмуда. — *O. A.*) в целом неприязненное отношение к ходжам в завуалированной форме известно нам и из его сочинения “История”»¹⁰², представляется несколько поспешным, тем более что он не подтверждается данными «Хроники», не говоря уже об *Anis at-talibin*. При самом скрупулезном и внимательном изучении рассказов «Хроники», в которых речь идет о черногорских ходжах и их последователях, не удается проследить никакой скрытой или завуалированной неприязни — наоборот, читатель находит в них неумеренное восхваление и наивные восторги по поводу «чудес» ходжей. Политическая и идеологическая борьба, усилившаяся к середине XVII в. в Могольском государстве в связи с заметным упадком престижа центральной власти, не получила сколько-нибудь ощутимого отражения во взглядах автора, и в этой связи анализ содержания «Хроники» дает нам очень немного. Действительно, в лишенных эмоциональной окраски словах Шах-Махмуда, в его лаконичных констатациях многочисленных и разнообразных фактов из жизни окружавшей его феодальной среды весьма трудно обнаружить личное отношение автора к фиксируемым событиям. Невольно создается впечатление, что он сознательно и тщательно избегал личных характеристик, воздерживался от оценок как событий, так и их участников, что, впрочем, ему все же не удалось провести до конца. Но вместе с тем, несомненно под влиянием тех трудов персидско-таджикской историографии, с которыми он был знаком и в большинстве которых красной нитью проходила идея морально-воспитательного значения уроков истории и исторического опыта, Шах-Махмуд видел в истории прежде всего предмет назидательный и поучительный. Видимо, под этим углом зрения и следует рассматривать тот иллюстративный материал,

¹⁰⁰ Это имело место между 1678–1683 гг. Подробнее см. прим. 363 к нашему переводу «Хроники».

¹⁰¹ *Худайят-наме*, лл. 57а–58а.

¹⁰² «Материалы», с. 374.

Введение в изучение памятника

из которого, собственно, и соткана вся «Хроника» — множество рассказов, заметок, примеров и штрихов из жизни ханского двора, кочевой знати, служилой и земельной аристократии. Они наглядно рисуют, как приверженность традиционно патриархальным формам взаимоотношений, которые стремилась сохранить часть могольской знати, местническая борьба между эмирами отдельных родов и племен, преследование ими сугубо личных интересов ведут к междоусобиям и расшатывают центральную власть¹⁰³. Если взглянуть на труд Шах-Махмуда с этой стороны, то естественным будет вывод, что наш автор не разделял центробежных устремлений некоторых феодальных кругов, а примыкал скорее к тем, кто поддерживал ханскую власть и стремился ее упрочить. Нам представляется, что его симпатии были отданы тем, кто стремился укрепить центральную власть через союз и сотрудничество кочевых феодалов, служилого военного сословия и черногорских ходжей¹⁰⁴. Не следует забывать, что сам Шах-Махмуд Чурас был активным приверженцем последних. Поэтому, когда он бесстрастно рассказывает о действиях, предпринятых ханской администрацией против мятежных эмиров и представителей династии¹⁰⁵, он скорее оправдывает эти акции, чем прикасает их.

Вместе с тем в разных местах «Хроники» мы встречаем критические замечания в адрес отдельных представителей правящего дома. Справедливости ради отметим, что критика эта всегда обращена в прошлое, и мы в этой связи лишены возможности судить о ее злободневности. Она не всегда и не столько отражала личные чувства и собственное мнение автора, сколько, видимо, обусловливалась политической ситуацией и соотношением влияния и возможностей основных группировок при дворе в то время, когда Шах-Махмуд писал свой труд. Конечно, можно понимать эти высказывания как критику «в адрес верховных правителей со стороны недовольного феодала-вассала»¹⁰⁶, но думается, что сам Шах-Махмуд ввел их в «Хронику» с целью чисто назидательной для современных ему вершителей судеб государства. Иными словами, он стремился показать

¹⁰³ См., например: «Хроника», лл. 576, 58a, 586–59a, 60a–61б, 62a–63a, 63б–64б, 65a, 66б, 70б и др.

¹⁰⁴ По мнению В. П. Юдина, в «Хронике» «...сквозит горечь по поводу разрушения традиционных форм взаимоотношений иерархической верхушки моголов и слышится скорбь относительно падения нравов» («Материалы», с. 377).

¹⁰⁵ См., например: «Хроника», лл. 47a, 49a, 55б, 56a, 60a, 61б, 65a, 67б, 69a, 69б, 73б, 74б, 80a.

¹⁰⁶ «Материалы», с. 374.

Сведения об авторе

им, к чему в прошлом приводили жестокость и тирания одних, алкоголизм и пристрастие к кокнару других, маниакальная подозрительность и неумелое корыстолюбие третьих и т. п.¹⁰⁷. Правда, следует оговориться, что его обличения, направленные в адрес наследника престола Зийа' ад-Дина Ахмад-султана и Султан-Махмуд-хана, несомненно, вызваны гонениями последних на чурасских эмиров¹⁰⁸.

Шах-Махмуд был выходцем из кругов военно-кочевой знати и в силу своего происхождения и воспитания не мог не выражать взгляды того сословия, из которого вышел и интересы которого защищал. Однако, будучи союзником черногорских ходжей, Шах-Махмуд выражал взгляды только той части феодальной верхушки, которая шла на сотрудничество с ними. Весьма примечательно в этой связи то обстоятельство, что он положительно оценивал те действия и меры того или иного династа, которые совпадали с интересами его духовных руководителей. Поэтому не вызывает удивления, что он не одобряет меры 'Абд ал-Карим-хана, направленные против распространения влияния ходжи Исхака, осуждает Султан-Махмуд-хана, отважившегося избавиться от засилья Ходжи Шади, и порицает 'Абдаллах-хана, стремившегося ограничить власть Ходжам-Падшаха. Столь же естественна его радость по случаю свержения Йулбарс-хана и воцарения Исма'ил-хана, чьим союзником выступал ходжа Мухаммад-'Абдаллах. Заметим при этом, что Иса'ил-хан во время своего сравнительно непродолжительного правления сумел подавить, как сообщают Мухаммад-Садик Кашгари и анонимный автор, оппозицию белогорских ходжей, стабилизировать в известной мере положение в стране и объединить государство в прежних границах (исключая Чалыш и Турфан)¹⁰⁹. Освещение хода событий, завершившихся убийством Йулбарс-хана, гибелью его сыновей и бегством ходжи Хидайаталлаха из Яркенда в Кашгар, передано Шах-Махмудом с такими подробностями и деталями, которые не оставляют сомнения в том, что сам автор, находясь в гуще событий, вполне вероятно был и активным их участником. Политическая ситуация, сложившаяся к тому времени в Могольском государстве, отличалась значительной сложностью и определенным своеобразием, поскольку в борьбу за власть между претендентами, каждого из которых

¹⁰⁷ «Хроника», лл. 51б, 59а, 67б, 69б, 71б, 73б, 76а, 79а–б, 80а–б, 81а, 82а–б, 85а.

¹⁰⁸ «Хроника», лл. 59а, 67б. Несомненная идеализация в «Хронике» личности 'Абд ал-Карим-хана и Мухаммад-хана и их правления объясняется в случае с первым тем, что Шах-Махмуд следовал уже сложившейся традиции, а в отношении второго — тесными связями хана с черногорскими ходжами.

¹⁰⁹ Подробнее см. примечание 363 к нашему переводу «Хроники».

Введение в изучение памятника

поддерживали противостоящие друг другу группировки во главе с ходжами, активно включились соперничавшие между собой калмакские феодалы. Если Йулбарс-хан утвердился на троне Яркенда с помощью калмаков Сенгэ (убит в конце 1670 г.)¹¹⁰ — сына и преемника Ботор-хунтайджи (1634–1653), то поддержка, оказанная Исламом-ил-хану группировкой Элдан-тайши, позволила ему взять верх в борьбе за престол (1080/1670 г.)¹¹¹, что ознаменовало собой успех черногорских ходжей и соответственно поражение белогорских.

Наш автор в восторженных тонах характеризует главное действующее лицо заговора против Йулбарс-хана — калмакского ставленника Эрка-бека, осуществившего переворот, опираясь на калмаков¹¹². На фоне часто менявшейся ситуации, когда центральная власть была слаба, а ее авторитет стоял очень низко, быстро поднимались и столь же стремительно закатывались на политическом небосклоне Могольского государства звезды различных представителей феодальных групп и партий. Судьба временщика Эрка-бека не составила исключения, и он, видимо, вскоре сошел со сцены, поскольку ни один более поздний источник, и в том числе сам Шах-Махмуд, скавший столько льстивого и высокопарного в его адрес, ни словом не обмолвился об Эрка-беке¹¹³. Однако справедливости ради отметим,

¹¹⁰ «Хроника», л. 82а–б.

¹¹¹ Там же, лл. 82а, 84а.

¹¹² Там же, л. 83а; см. также: *Анис ат-талибин*, л. 105б; «История Кашгарии», л. 98а–б.

¹¹³ Шах-Махмуд несколько раз на страницах своей «Хроники» упоминает Эрка-бека, а в конце ее посвящает ему отдельную главу («Хроника», лл. 3а–б, 82а–85а). Согласно нашему автору, Эрка-бек по своему происхождению был тюрком из племени арлат и выходцем из г. Сайрама, что находился на правом берегу р. Сайрам, к востоку от Чимкента, где осели его предки. Двадцать лет он оставил родной город и поступил на службу к калмакам — сначала к создателю ойратского феодального государства Ботор-хунтайджи (1634–1653), а затем к его сыну и преемнику Сенгэ. На службе у ойратских предводителей он провел двадцать один год, участвуя в многочисленных походах и военных экспедициях, в том числе против чахаров, русских, и в Восточный Туркестан в составе войск Сенгэ, поддерживавшего Йулбарс-хана. Очевидно, карьера его складывалась успешно, так как он достиг высоких постов и однажды возглавил посольство в Китай к императорскому двору. Можно предположить, что Эрка-бек был специально направлен в 1080/1669–70 г. ко двору Йулбарс-хана как представитель и соглядатай Сенгэ. После того как он осуществил заговор против Йулбарс-хана, Эрка-бек всемерно содействовал вступлению на престол Ислама-ил-хана, при котором он пользовался исключительным влиянием. Дальнейшая судьба Эрка-бека нам неизвестна. Вместе с тем архивные материалы Посольского приказа сообщают, что второе посольство Галдан-тайши (1671–1697) к московскому царю, которое возглавлял некий «Иркс-бек», вручило свое послание 1 августа 1673 г. вместе с посланием первого посольства, отправленного Галданом вскоре после гибели Сенгэ. Причем второму посольству вменялось

Сведения об авторе

что если в настоящее время история Восточного Туркестана в период с середины XVI по 70-е гг. XVII в. представляется нам сравнительно связной и не столь темной, то этим обстоятельством мы в немалой степени обязаны упомянутому беку, который приказал¹¹⁴ Шах-Махмуду б. мирзе Фазилу Чурасу составить «Хронику». Как известно, около 1680 г. белогорские ходжи с помощью Галдан-Бошокту-хана (1671–1697), разбившего Исма‘ил-хана, утвердились в Яркенде и Кашгаре, а их извечные противники — черногорцы — были вынуждены искать убежища в Индии и Средней Азии¹¹⁵. Шах-Махмуд не последовал в Индию вслед за своим патроном Мухаммад-‘Абдаллахом, а остался в Яркенде вместе со своим братом эмиром Гази-беком, где он и умер, по словам Мир Хал ад-Дина, от чрезмерного пристрастия к кокнару¹¹⁶. Причем из рассказа этого же автора выясняется, что Шах-Махмуд умер вскоре после встречи с Ходжой Афаком и до смерти последнего, т. е. до четверга начала месяца раджаба 1105/1, или 8 марта 1694 г.¹¹⁷. Какой информацией располагал Мир Хал ад-Дин, приводя этот эпизод, нам неизвестно. Однако вывод, к которому он подводит читателя: Шах-Махмуд Чурас умер еще при жизни ходжи Хидайаталлаха, — явно ошибочен. Дело в том, что последние рассказы *Анис ат-талибин* посвящены описанию действий ходжи Данийала, прибывшего из Ходжента в Яркенд. А из сообщений местных источников, в том числе *Анис ат-талибин*,

также выяснить причины, приведшие к задержке первого посольства тобольским востводой князем И. Б. Репниным (Златкин, История, с. 244). В. П. Юдин полагает, что посол Галдана в Москву и временник при Исма‘ил-хане являются одним и тем же лицом («Материалы», с. 374). С таким предположением, можно согласиться при одном условии, что к началу 1673 г. Эрка-бек оставил Яркенд и возвратился к Галдану в ставку ойратов.

¹¹⁴ «Хроника», л. 36.

¹¹⁵ Подробнее см. примечание 363 к нашему переводу «Хроники».

¹¹⁶ «Был он человеком, который постоянно употреблял кокнар» (*Хидайат-наме*, л. 57а).

¹¹⁷ «Как-то он встретился в ханаках с Ходжой Афаком. Ходжа во время пояснения истин суфийского познания так заметил: “Всякий, кто пристрастился к кокнару, сгинет, лишенный веры. Ибо умрет ли он в момент опьянения, случившегося под воздействием кокнара, или же во время винного похмелья, каждое из них есть результат злостного заблуждения и отступничества”. Этот же заблудший не согласился. Спустя несколько дней сей гадкий и поганый, погрязший в пороке, опьянял, употребивши кокнар. Листом же он обыкновенно спал в помещении, где пол кроплят водой. Там-то он и умер. [О случившемся] узнали спустя три дня, потому что тело распухло и стало разлагаться. Злоничие распространилось на целый квартал, что привело жителей квартала в крайнее удивление. В конце концов сего [трупа] извлекли из того помещения» (*Хидайат-наме*, л. 57а–б; также «Материалы», с. 371).

Введение в изучение памятника

известно, что ходжа Данийал закрепился в Яркенде уже после смерти Ходжи Афака, гибели его сына Мухаммад-Йахий и после поражения и гибели Мухаммад-Му'мин-хана (= Акбаш-хана). По словам Шах-Махмуда, ходжа Данийал вместе с хакимом Яркенда мирзой 'Алам-Шах-беком успешно руководил обороной города, осаждавшегося сторонниками белогорцев — кашгарцами и киргизами, и отразил все их попытки взять город приступом¹¹⁸. По сообщениям *Анис ат-талибин* и анонимного автора «Истории Кашгарии», рассказ которого весьма напоминает то, что сообщает Шах-Махмуд¹¹⁹, правление Акбаш-хана было кратковременным, и из них можно вывести заключение, что хан пал от рук киргизов в конце 1106 — начале 1107/1695 г. Совершенно очевидно, что Шах-Махмуд не смог бы написать эти рассказы, если бы он, как сообщает Мир Хал ад-Дин, умер до смерти Ходжи Афака. Приподнятый тон последних строк *Анис ат-талибин* дает возможность предположить, что труд был завершен в ближайшие после удачно проведенной обороны города дни, т. е. в 1107/1696 г. Дата смерти Шах-Махмуда нам неизвестна. К этому времени, т. е. к 1107/1696 г., он уже перешагнул за семьдесят лет и вскоре после упомянутых событий, видимо, умер, успев дожить до восстановления в Яркенде власти черногорских ходжей, которым он столь долго и верно служил.

¹¹⁸ *Анис ат-талибин*, лл. 107а–108б; «История Кашгарии», л. 103а–б; *Бартольд*, Отчет, с. 190; *Думай*, Аграрная политика, с. 76–77.

¹¹⁹ Ср.: *Анис ат-талибин*, л. 106б; «История Кашгарии», л. 102б.

SUMMARY

Scarcity of studies on historiography of medieval Eastern Turkestan and the resulting lack of reliable narrative sources have always impeded the work of students of the region's history, particularly history of the sixteenth and seventeenth centuries, as vividly demonstrated by the writings of Ch. Valikhanov, V. Grigoriev, R. Shaw, N. Elias, M. Hartmann and others. M. Hartmann, proceeding from source studies by V. Barthold was more successful than his forerunners in elucidating events in Eastern Turkestan of the time, but still the sources he used leave unanswered many questions concerning the chronology of Chaghatai rulers of the state with the centres either in Yarkand and Kashghar or Chalysh and Turfan; the records often keep silence about the order of occurrents of events in the state, about the country's relations, ties and contacts with neighbouring nations, etc.

This gap in our knowledge is largely bridged by the work of a local historiographer Shah-Mahmud b. mirza Fazil Churas, retainer of the Chaghatai khans, follower of the Ishaqiya (Qaratagh-lyq, i.e. Black Mountain) khwadjas. The annalist gave no title to his work, but in modern scholarly circles it came to be known as *Ta'rikh-i mirza Shah-Mahmud-i Churas* through publications of Z. Togan and A. Semenov later used by C. A. Storey. Here we call it "Chronicle".

"The Chronicle" is a history of consecutive Eastern Turkestan rulers from 1428 to the mid-seventies of the seventeenth century, written by the order of Erke-bek, Oirat Qalmaq protégé and henchman, whose biography the chronicler places on f. 83a–b, and dedicated it to Chaghataid Isma'il-khan (1670–1682). The work consists of 119 chapters, or stories (*dhikr*, *guftar*, rarely *qissa*) the first fifty-six of them being a paraphrase of seventy-seven chapters of *Ta'rikh-i Rashidi* by mirza Haidar (34 and 43 chapters from the first and second books respectively). The fact that the first half of "The Chronicle" (ff. 3a to 46b) is entirely based on *Ta'rikh-i Rashidi*, practically presenting a patchwork of the earlier source's material, greatly affected the structure of the history as a whole.

The non-derivative part of "The Chronicle" (ff. 46b to 85a) proves that Shah-Mahmud used no written sources whatsoever for it, obtaining his in-

Шāх-Маҳмӯд ибн Мирзā Фāзил Чуrāс. Хроника

formation mainly from stories of witnesses to and participants of the events, memories of kinsmen and his personal observations. He also drew extensively upon an oral tradition of his environment from his childhood (very likely, ancestral legends or an oral history of the clan). In fact, a certain likeness of reports in “The Chronicle” and in Mahmud b. Wali’s *Bahr al-Asrar* (completed in Balkh circa 1050 H./1640–41) is accounted for solely by both historiographers using verbal information that came from the same milieu of the military nomadic nobility of the Churas clan.

The last date cited in the work is the eleventh of *dhu-l-qa‘dah* 1080 H. (April 2nd, 1670).

The manner, contents and structure of “The Chronicle” incon-testably place it most close to other local dynastic histories with their basic emphasis upon foreign relations and their composition strictly following the reigns of consecutive dynasts. Three main objectives of the original part of Shah-Mahmud’s work appear to have been: a) writing a history of rulers of the state in Eastern Turkestan, centering upon Yarkand and Kashghar, which he calls “*mamlakat-i Moghuliya*”, i.e. Moghulian state (kingdom), or Moghulia; b) extolling the role of his Churas clansmen in the country’s life, and c) demonstrating the influence of the *Qarataghlyq khwadjas* in domestic affairs of the state.

Being a sequel to *Ta’rikh-i Rashidi* “The Chronicle” substantially furthers our knowledge of events in the region from the mid-sixteenth century to the 1670-s. Shah-Mahmud’s narratives abound in important evidence, they are rich in detail, vivid descriptions and interesting new facts. Within certain limits they enable the modern historian to reconstruct the situation in the Moghulian state on the eve of the Oirat (*Qalmaq*) conquest around 1682. The chronicle’s contribution is made even more important by the fact that much of its evidence came from eyewitness observations of our annalist who took active part in many events he describes. Data relative to the Chaghataids’ Eastern Turkestan possessions centred upon Chalysh and Turfan are likewise of consequence, scarce and scattered as they are.

The Chronicle’s material is certain to bring corrections into reference books on the Moslem chronology and genealogy, in particular, into the-Chaghataid section of the most recent one by C. E. Bosworth.

Though failing to become a complete history of the Churas clan, Shah-Mahmud’s work gives much place to the author’s clansmen, who reappear permanently on its pages starting from 1428 when Churas beks and amirs first came to the forefront in the state.

No other known source contains as abundant and as detailed information concerning the *Qarataghlyq* (Black Mountain) khwadjas as that collected and narrated by the chronicler in many stories of his work. “The Chronicle”

Summary

records gradual emergence of the khwadjas as a major political factor in the state, a force respected and feared by both the military nomadic nobility and the landed feudal lords. As demonstrated by the author, the khwadjas' influence on the secular authority, represented by the khan, and on the state machine, often proved to be overwhelming. In a word, we see the khwadjas, originally a religious sect, evolve into secular feudal lords.

Unfortunately, this valuable source loses some of its significance by saying nothing about the Aqtaghlyq (White Mountain) khwadjas, political rivals of the Black Mountain sect, whose fierce struggle with the opponent khwadja party had a profound effect upon the destiny of the state and the dynasty.

The reliable and highly important material already mentioned by no means exhausts merits of "The Chronicle" as an historic source. Shah-Mahmud brings new word about neighbour peoples of the Moghulian state opening another page in the history of the Ouzbek, Qazakh, Qirqiz and Oirat and their mutual relationship. His work is the first to report in much detail the campaign, disastrous for the Ouzbek, opened by Sheibanid Abdallah II at the close of his reign (apparently in 1003 H./1594). Shah-Mahmud is the only annalist who wrote an account about the revolt of Andi-djan citizens in 1048 H./1638 when the city's population rose against the soldiers of Imam-Kuli-khan forcing them finally to raise the siege of the city and retreat.

Shah-Mahmud brings to notice the important role played by Qazakh sultans and their troops in the long varyingly successful struggle of the central authorities in Yarkand with rebellious rulers of Eastern Moghulia, with the seats in Chalysh and Turfan. He tells us about unions formed by various Moghulian rulers now with Qazakh khans and now with pretender Qazakh sultans.

Much space in "The Chronicle" is devoted to Qirqiz tribes and clans, their representatives being mentioned by Shah-Mahmud more and more often as his story unfolds, which seems to be collateral evidence of their growing role in the domestic life of the Moghulian state. Indeed, Abd ar-Rashid-khan and his son and heir Abd al-Karim-khan succeeded in inflicting a number of defeats on united armies of the Qazakh and Qirqiz pushing the latter into Central Moghulistan and temporarily making the country's frontiers safe. However, the tide turned in the reign of their successors, and by the opening of the seventeenth century the Qirqiz not only settled at the northern and north-western borders of the Moghulian state, but became a cause of special annoyance with vicegerents in Kashghar, Uch and Aqsu, which areas they penetrated, driven by the growing pressure of the Oirat (Qalmaq) and settled taking advantage of the obvious weakening of the khan's power. The Qirqiz settlement was of particular import since it was followed by their migrations

Шāх-Маҳмӯд ибн Мīрзā Фāзил Чуrāс. Хроника

en masse within the state. At first Yarkand rulers sought to keep the movement in check, but unable to control it they decided to use the Qirqiz tribes as a force capable of strengthening the khans' authority in their fight the powerful military nomadic nobility. Thus Qirqiz tribal detachments made their appearance throughout the khans' troops, while Qirqiz feudal lords came to occupy a prominent place at the court in the second half of the seventeenth century under Abdallah-khan. By the end of his reign numerous administrative posts and offices both in the capital and the province were held by Qirqizes and Qirqiz units constituted the bulk of the khan's military force. This, however, did not prevent the khan from two attempts to exterminate some Qirqiz tribes. To cite just an example, by the order of Abdallah-khan, about 10.000 Bulghachi tribesmen were massacred.

Of no small importance is "The Chronicle's" evidence for the historian of the Qalmaq (Oirat) and their expanding pressure on Eastern Turkestan from the 1640s onwards. It is common knowledge that the Qalmaq penetration of the region/which ended in its complete subjugation, and its routes remain practically uninves-tigated, since both Central Asiatic sources of the seventeenth and eighteenth centuries and local historiographic writings gave little attention to the Qalmaq progress and contain surprisingly few data about the people. The only exception so far known is the present work, whose value is greatly enhanced by its being a firsthand report of an eyewitness to the conquest. Reading "The Chronicle" we observe episodic raids of the Qalmaq to change, as the strength and power of the Djungar khanate grew, into regular and insistent interference with domestic affairs of the Moghulian state. Finally, with further internal dissension and strife resulting in disintegration of the state, the Qalmaq interference made it lose the last vestiges of independence.

The edition contains a publication of the original part of "The Chronicle" by Shah-Mahmud b. mirza Fazil Churas, accompanied by its Russian translation with detailed-commentary, and a study by O. F. Akimushkin on the author, his work and history of Eastern Turkestan from the 1640-s to the 1670s. The book is provided with a number of indexes.

**ПАМЯТИ
ОЛЕГА ФЕДОРОВИЧА АКИМУШКИНА
(17.02.1929 — 31.10.2010)**

Когда подготовка второго издания «Хроники» Чураса шла уже полным ходом, пришла печальная весть о кончине Олега Федоровича Акимушкина — выдающегося российского востоковеда, подготовившего критический текст, перевод, исследование и комментарии к этой книге. Олег Федорович в 1953 г. окончил кафедру Иранской филологии Ленинградского государственного университета, и с декабря этого же года начал работать в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР (затем переименованном в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, Санкт-Петербургский филиал ИВРАН и Институт восточных рукописей РАН). В 1970 г. О. Ф. Акимушкин защитил

кандидатскую диссертацию «“Хроника” Шах-Махмуд б. Мирза Фазил Чураса». В 1971 г. он был назначен заведующим сектором Среднего Востока ЛОИВАН СССР. С 1976 г. подготовил девять кандидатов исторических и филологических наук. С 1966 г. преподавал на Восточном факультете ЛГУ/СПбГУ, где читал лекции и спецкурсы по мусульманскому мистицизму и мусульманской рукописной культуре. В 1992 г. стал профессором Киргизского государственного университета.

О. Ф. Акимушкин опубликовал более 240 работ по различным вопросам истории, культуры и филологии средневекового Ирана, многие из которых вошли в золотой фонд мировой иранистики. Основными направлениями его исследований являлись кодикология и текстология мусульманской рукописной книги; историография и источникование Ирана X–XVIII вв.; персидская миниатюра XIV–XIX вв.; мусульманский мистицизм (тасаввуф/суфизм); история Ирана, Средней и Центральной Азии в XIV–XVIII вв.

Олег Федорович был замечательным человеком — добрым, отзывчивым и справедливым, тактичным и в меру строгим и требовательным. Он не только служил примером образцового выполнения своего гражданского долга, но и обладал различными талантами — в частности, был прекрасным спортсменом, играл в молодости за сборную Ленинграда по баскетболу.

Смерть О. Ф. Акимушкина — огромная и невосполнимая утрата для отечественной и мировой науки. Все мы — его друзья, коллеги и ученики — всегда будем помнить Олега Федоровича как прекрасного Человека и блестящего Ученого.

*А. А. Иванов (Государственный Эрмитаж), И. Ф. Попова,
М. А. Дандамаев, А. И. Колесников, Е. И. Кычанов
(Институт восточных рукописей РАН), В. П. Никоноров
(Институт истории материальной культуры РАН),
Б. В. Ерохин (Издательство Филологического факуль-
тета СПбГУ)*

Научное издание

**Шах Махмуд Чурас
ХРОНИКА**

**Критический текст, перевод, комментарии,
исследование и указатели О. Ф. Акимушкин**

Выпускающий редактор *В. П. Никоноров*
Корректоры *М. К. Одинокова, К. В. Белецкая, Е. А. Морозова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 30.11.2010.
Формат 60 × 90^{1/16}. Усл. печ. л. 36. Тираж 800 (300 — РГНФ) экз.
Заказ № 3577.

Петербургское лингвистическое общество
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9-11, лит. В.

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие “Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.